

ЛОУРЕНС АРАВИЙСКИЙ И ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Ближний Восток остаётся постоянной горячей точкой планеты. Этот регион начал приобретать свои современные очертания после поражения Османской империи в Первой мировой войне и её раздела, он всегда был важным объектом британской внешней политики. Легендарный британский офицер Лоуренс Аравийский оказал сильное влияние, как на исход войны, так и на политическое урегулирование в данном районе после неё.

В России о британской политике на Ближнем Востоке написано достаточно большое количество исследований, но конкретно о деятельности Т. Лоуренса — практически ничего, за исключением переведённой на русский язык книги Б. Лиддел Гарта «Полковник Лоуренс». Несмотря на то, что Лоуренс сыграл большую роль в обеспечении победы Антанты на Ближнем Востоке и в ближневосточной политике Великобритании в целом, в отечественной историографии о Первой мировой войне и послевоенном урегулировании на Ближнем Востоке в лучшем случае об этом человеке только упоминается¹. Причем, написана эта литература, в основном, давно, и с современных позиций проблема не изучалась. Есть ряд работ о политике Великобритании в регионе Ближнего Востока, но, к сожалению, они затрагивают более поздний период². Между тем, в английской историографии важное место по праву отводится деятельности Лоуренса и британской ближневосточной политике в целом.

Поскольку в отечественной историографии нет сводной обобщающей работы о личности и деятельности Т. Лоуренса, то главной целью авторов настоящей работы является стремление восполнить этот пробел. Авторы не ставили задачу написать развернутую биографию Лоуренса. Нас интересовал Лоуренс как уже сформировавшаяся личность, с устоявшимися взглядами и интересами. Основными задачами было проследить деятельность Лоуренса в качестве офицера британской армии на ближневосточном театре Первой мировой войны, его роль в арабском восстании, а также в послевоенном политическом устройстве в регионе Ближнего Востока и его влияние на британскую внешнюю политику.

Основная часть работы написана в жанре исторической биографии, который недостаточно развит в отечественной историографии³. Авторы не претендуют на полное освещение британской ближневосточной политики в период Первой мировой войны и после неё, ими сделана попытка показать эпоху английской политики на Ближнем Востоке (в арабских странах, в частности) через призму личности и деятельности Лоуренса.

Для исследования были использованы мемуары, письма, дневники, документы по внешней политике Великобритании. Последние представлены весьма неполно. В Великобритании до сих пор не было опубликовано в систематическом виде архивных материалов внешнеполитических ведомств за годы Первой мировой войны⁴. Отдельные документы, имеющие отношение к теме исследования, опубликованы в отечественных⁵ и в американских⁶ сборниках. Некоторая документация содержится в

¹ Гурко-Кряжин В. А. Арабский Восток и империализм. М., 1926; Гурко-Кряжин В. А. Ближний Восток и державы. М., 1925; Луцкий В. Г. Новая история арабских стран. М., 1965; Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. М., 1960; Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно, 1919–1925. М., 1947; Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939). М., 1962; Новейшая история арабских стран (1917–1966). М., 1968; и др.

² См.: Кузьмин В. А. Опубликованные английские источники и литература о политике британского правительства на Ближнем Востоке накануне второй мировой войны // Политика великих держав на Арабском Востоке в новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Владимир, 1982. С.31–45; Чемпалов И. Н. Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (июнь – сентябрь 1940 г.) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943). Свердловск, 1979. С.90–148; Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М., 1976; Кузьмин В. А. Политика великих держав на Ближнем Востоке в период политического кризиса 1939 года (март – июнь) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып.3. Свердловск, 1974. С.42–63; и др.

³ Павлова Т. А. Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С.37–49.

⁴ Издания соответствующих сборников британских внешнеполитических документов начинаются с 1918 или с 1919 г.

⁵ Проблемы войны и мира в XX веке. Нижегородская серия документов по истории международных отношений. Т.1. Нижний Новгород, 1996; Документальная история арабо-израильского конфликта. Нижний Новгород, 1991; Ключников Ю.В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч.2. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926.

⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: Paris Peace Conference, 1919. Vol. 7, 12. Wash., 1946–1947.

трудах Дж. Антониуса, Д. Ллойда Джорджа, А. Саида и других авторов⁷. В частности, Антониус в приложении к своей монографии, посвящённой истории арабского национального движения в первой четверти XX века, публикует знаменитую переписку Мак-Магона с шерифом Хусейном⁸. Но для работы, которая является исторической биографией, наиболее ценными в качестве источников представляются мемуары, дневники, письма, а также произведения, созданные самим Лоуренсом.

Множество воспоминаний о событиях тех лет и о роли, которую в них сыграл Лоуренс, написано соратниками или современниками Лоуренса, такими как Черчилль, Сторрс, Клейтон, Хогарт, Тойнби, Уингейт и другими⁹. Все они, конечно, не лишены субъективизма, и, возможно, некоторого преувеличения значимости отдельных событий, но в комплексе помогают воссоздать обстановку той эпохи, во время которой пришлось действовать Лоуренсу.

Несколько раз были изданы сборники писем Т. Лоуренса¹⁰. Один из героев книги Джеймса Олдриджа «Герои пустынных горизонтов» говорит: «Если вы хотите по-настоящему узнать Лоуренса, обратитесь к его делам. А ещё лучше – читайте его письма. Только в письмах он раскрывается таким, какой он есть. Раскрывается всеми сторонами своей личности, потому что к каждому человеку он поворачивается какой-нибудь другой стороной»¹¹. И действительно, Лоуренс по-разному преподносит одни и те же события в письмах к разным людям: своей семье, друзьям, в официальных донесениях своему командованию. К этим источникам также нужно подходить с осторожностью, сопоставляя содержание писем с документами, реальными событиями и воспоминаниями.

Пожалуй, самым главным из всех произведений Лоуренса стала его книга «Семь столпов мудрости»¹², которую на Западе многие ставят в один ряд с «Братьями Карамазовыми» и «Моби Диком». Она была напечатана впервые в 1922 г. в восьми экземплярах в частной типографии; в 1927 году в сокращённом варианте опубликована под названием «Восстание в пустыне»¹³ и в полном варианте широким тиражом была издана лишь уже после смерти Лоуренса в 1935. В этой книге Лоуренс описывает восстание в Аравии против турков – так, как его видит англичанин, который находится сам в гуще этих событий. Кроме хроники военных действий в ней содержится множество ярких портретов, описаний, философских рассуждений, впечатлений и идей. Автор в предисловии пишет, что не претендует на беспристрастность, что вполне естественно. Это произведение как нельзя лучше помогает увидеть историческую эпоху через личность, мировоззрение и поступки Лоуренса.

Лоуренс написал ещё одну книгу, которая рассказывает о его службе в королевских ВВС¹⁴. Кроме того, он стал одним из авторов так называемого «Арабского Бюллетеня» – регулярного издания материалов Арабского Бюро, выходившего в 1916–1918 и содержащего информацию о политической обстановке в арабских землях, текущих событиях, о влиятельных арабских деятелях, племенах, традициях, обычаях и психологии арабов – то есть о том, что необходимо было знать для эффективной работы в регионе. Материалы для «Арабского Бюллетеня», написанные Лоуренсом, были впоследствии изданы в сборнике «Секретные донесения из Аравии»¹⁵.

Существует несколько биографий Лоуренса, некоторые из них были опубликованы ещё при его жизни¹⁶. Книга Б. Лиддел Гарта, человека военного, имеет соответствующее содержание: это своего рода парафраз «Семи столпов мудрости», Лиддел Гарт ещё более детально описывает военные операции, зачастую теряя из вида сущность задачи Лоуренса и не прослеживая общие тенденции британской политики. Пожалуй, больший интерес представляют интервью и переписка Лоуренса с его биографами, а также его рукописи, на основе которых Б. Лиддел Гарт и Роберт Грэйвс написали свои книги. Эти материалы изданы в отдельных сборниках¹⁷.

⁷ Саид А. Восстания арабов в XX веке. М., 1964; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. В 4-х т. М., 1934–1938; Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. В 2-х т. М., 1957.

⁸ Antonius G. The Arab Awakening: The Story of the Arab National Movement. Philadelphia, 1939.

⁹ Churchill W. Great Contemporaries. L., 1937; Clayton G. An Arabian Diary. Berkeley and Los Angeles, 1969; Storrs R. Orientations. L., 1937; Toynbee A. Acquaintances. L., 1967; Wingate R. Wingate of the Sudan. L., 1955; и др.

¹⁰ The Home Letters of T. E. Lawrence and His Brothers. Oxford, 1954; Letters of T. E. Lawrence. L., 1938; Letters to T. E. Lawrence. L., 1962.

¹¹ Олдридж Дж. Герои пустынных горизонтов. М., 1958.

¹² Lawrence T. E. Seven Pillars of Wisdom: A Triumph. N. Y., 1962.

¹³ Лоуренс Т. Э. Восстание в пустыне. М., 1929.

¹⁴ Lawrence T. E. The Mint. L., 1973.

¹⁵ Lawrence T. E. Secret Dispatches from Arabia. L., 1939.

¹⁶ Graves R. Lawrence and the Arabs. L., 1934; Liddel Hart B. H. Colonel Lawrence: The Man Behind the Legend. N. Y., 1934; Лиддел Гарт Б. Полковник Лоуренс. М., 1939.

¹⁷ Graves R. T. E. Lawrence to his Biographer, Robert Graves. N.Y., 1963; Liddel Hart B. T. E. Lawrence to his Biographer, Liddel Hart. N.Y., 1963.

В последующие годы были изданы ещё несколько книг о Лоуренсе¹⁸. Работа Джона Мака – скорее, психологический портрет Лоуренса. В ней сделана попытка понять человека, который, как было написано в некрологе в журнале «Ближний Восток и Индия», «понимал себя сам, возможно, также мало, как и его друзья»¹⁹. В книге показана взаимосвязь его внутреннего мира, воспитания, событий в личной жизни Лоуренса с его общественной и политической деятельностью. При этом Мак приводит некоторые интересные факты и нигде прежде не опубликованные письма.

Важным орудием британской ближневосточной политики во время Первой мировой войны стала разведывательно-политическая служба, которой английское правительство уделяло исключительно большое внимание. Политическая ситуация на Ближнем Востоке буквально потребовала от Англии такого человека как Лоуренс. Пять лет путешествий, исследовательской деятельности и работы в качестве археолога в Сирии, Палестине и Анатолии подготовили Лоуренса к военной службе офицером разведки в британском штабе в Каире. Он как никто другой подходил для этой работы. Тогда было трудно предсказать, что менее чем через два года он окажется в роли лидера новой партизанской войны в Аравийской пустыне. В конце 1916 г. он непосредственно участвовал в превращении затухающего арабского восстания, охватывавшего тогда только бедуинов Хиджаза, в широкомасштабную кампанию, которая, в конце концов, распространилась до Дамаска.

Чтобы понять роль Лоуренса во время войны, необходимо охарактеризовать ситуацию в Каире в декабре 1914 г., когда туда прибыл Лоуренс, и проследить развитие британской ближневосточной политики до начала арабского восстания.

Для арабских народов завоевание османскими турками в начале XVI в. земель, включающих в себя территории современного Египта, Сирии, Ливана, Израиля, Ирака, Иордании и часть Аравийского полуострова вдоль Красного моря, было ни чем иным, как заменой власти одного султана на власть другого.

Начиная ещё с X века, когда мусульманская империя пророка Мохаммеда стала распадаться, этим народам было неведомо такое понятие как политическое единство; и они, конечно же, никогда не знали национального единства. С того времени и вплоть до наших дней для политической истории арабского мира характерна раздробленность и сепаратизм, которые в течение почти всего периода дополнялись иностранным владычеством.

Даже в 1970 г. П. Ватикотис, специалист в области арабской культуры, политики и истории, писал в своей монографии: «Что можно сказать об арабском национализме как о политической силе в арабском мире сегодня? Несомненно, грамотные здравомыслящие арабы (особенно городские жители) разделяют чувство принадлежности к некой общности, называемой ими «арабской нацией» (al-umma al-arabiyya). В этом – смысл арабского национализма или арабской солидарности (al-qawmiyya al-arabiyya). Но является ли это чувство первостепенным фактором политической жизни? Пока ничто не указывает на это»²⁰.

Арабский национализм до сих пор не достиг своей цели собрать всю арабскую нацию под крышей единого арабского государства. В настоящий момент арабы, по крайней мере, юридически, – граждане или подданные двух десятков суверенных государств. Эти государства имеют различную политическую структуру и находятся на разных уровнях экономического развития. Кроме того, они демонстрируют разные степени этнической, религиозной и социальной неоднородности. Их объединяет только то, что население этих государств – арабоязычное и, в подавляющем большинстве своём, – исповедующее ислам. Все они также в недалёком прошлом либо находились под иностранным господством, либо были зонами влияния других держав. Более того, большинство этих государств, в то или иное время входили в состав Османской империи.

До XIX в. у арабских народов Османской империи было слабое национальное самосознание. В этом веке в значительной мере под давлением западноевропейских государств Османская империя сделала ряд попыток модернизировать свою административную и судебную-правовую систему. Однако эти реформы были запоздалыми и не смогли предотвратить появления движений за автономию в различных частях империи. Контакты с Западом оказывали на эти движения различное влияние. К примеру, антитурецкое движение ваххабитов на Аравийском полуострове в XVIII – XIX вв. имело чисто мусульманский характер, который дополнялся антизападными настроениями²¹. В

¹⁸ Graves R. P. Lawrence of Arabia and His World. L., 1987; Mack J. E. A Prince of Our Disorder: The Life of T. E. Lawrence. Oxford, 1990.

¹⁹ Obituary: Lawrence of Arabia // The Near East and India. 1935. May 23. P.632.

²⁰ Vatikotis P. J. Conflict in the Middle East. L., 1970. P.15–16.

²¹ Луцкий В. Г. Новая история арабских стран. С.70.

отличие от него, кампания, которую возглавляли Мухаммед Али и Ибрагим Паша, за объединение под их началом арабских земель, проходившая в начале XIX века, была, с одной стороны, вызвана личными амбициями, а, с другой стороны, протекала в значительной степени под влиянием западных, особенно французских политических и культурных идей²². В период оккупации Сирии Ибрагимом Пашой в 1831–1840 гг. широко поощрялась европейская и американская миссионерская деятельность, особенно в Ливане, который стал своего рода воротами для проникновения западного влияния в азиатские провинции Османской империи. Эта миссионерская деятельность в основном состояла в обращении в христианскую веру, преподавании основ религии и обучении грамоте местных жителей²³.

Хотя политические репрессии турецкого султана Абдул Хамида II (1876–1909) усилили стремления арабов к независимости, арабские националисты опасались больше не тирании внутри самой империи, а британской, французской и российской колониальной экспансии, против которой Османское правительство, казалось, могло предоставить некоторую защиту²⁴. В 1882 году Египет оказался под британской оккупацией, и мусульманские лидеры, по словам ливанского историка Зейне, «не были слепы к амбициям и интересам великих держав в Османской империи и опасались, как бы дальнейшее ослабление империи не привело к оккупации арабских земель на Ближнем Востоке какой-либо из этих держав»²⁵.

Многие передовые арабы–мусульмане стремились к большей политической свободе, к расширению гражданских свобод и хотели положить конец неэффективному управлению, но оставались при этом верными Османскому правительству. Их стремления разделяли и турецкие либералы, из числа которых наибольшего успеха достигла группа так называемых «младотурок». Они были выходцами из турецкого офицерства и оказались открытыми влиянию западных политических идей, став сторонниками концепций парламентарного правления и конституционных реформ²⁶. В июле 1908 г. в ходе бескровной революции в Стамбуле, сопровождающейся ликованием масс, они пришли к власти.

Но и младотурки, и их правящий комитет «Единение и прогресс» вскоре переродились, пришли к собственной тирании и, в отличие от Абдул–Хамида II, пытались контролировать не только политическую жизнь арабов, но даже их религию и образование. Провозглашая шовинистический турецкий национализм, названный «пантюркизмом», они проводили политику насильственного «отуречивания» арабского населения²⁷. Несмотря на попытки эксплуатировать панисламизм, партия «Единение и прогресс» была во многих отношениях анти–исламской и пыталась, невзирая на противодействие арабов, перевести Коран на турецкий язык и развить культ из образа такого языческого завоевателя как Чингиз–хан²⁸.

Такая репрессивная национальная и расовая политика младотурок разожгла пламя арабского политического национализма; для защиты арабского дела и прав арабов был создан целый ряд политических партий и обществ, наиболее известной из которых стало сверхсекретное общество «Аль–Фатат», созданное в Париже в 1909 г. Члены этих обществ стремились к объединённой арабской империи, которая, по их мнению, была важнее, чем принадлежность к какой-либо отдельной арабской или мусульманской стране²⁹.

Резня армян показала арабским лидерам, что их может ждать в будущем. Это усиливало арабскую политическую активность. Несмотря на возросшую подпольную деятельность секретных обществ 1909–1914 гг. (многие из них функционировали в Европе), большинство арабоязычных мусульман оставались лояльными Османской империи даже во время войны. Секретные общества, хотя и преследовали националистические цели, опасались планов европейцев относительно арабских территорий и поддерживали сохранение империи из–за боязни западного господства³⁰.

В отличие от своей политики в Египте, британцы вплоть до 1914 г. предпочитали поддерживать целостность Османской империи, несмотря на её политическую слабость и коррумпированный госаппарат. Зона экономических и политических интересов Великобритании на

²² Луцкий В. Г. Новая история арабских стран.. С.43–49.

²³ Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. С.57–58.

²⁴ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.116.

²⁵ Zeine N. Zeine. The Emergence of Arab Nationalism. Beirut, 1958. P. 68.

²⁶ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С.164–165.

²⁷ Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. С.298.

²⁸ Zeine N. Zeine, The Emergence of Arab Nationalism. P.92.

²⁹ Kirk G. A Short History of the Middle East. N.Y., 1964. P.76.

³⁰ Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. С.300.

Ближнем Востоке расширялась на протяжении всего XIX в. Одно из первых мест в списке британских приоритетов занимало сохранение стабильности и спокойствия в области Суэцкого канала, Красного моря и Персидского залива. Целью Британии перед войной было поддержание политически послушной Османской империи, которая предоставляла бы благоприятные условия «капитуляций» и которая могла бы служить буфером против российской экспансии. Эдвард Грей, министр иностранных дел, писал в 1913 г.: «Единственная приемлемая для нас политика должна быть направлена на то, чтобы избежать краха Азиатской Турции»³¹.

До начала усиления Германии после 1870 г. Россия и Франция были главными соперниками Великобритании на Ближнем Востоке. Продолжительная борьба в этом регионе привела в итоге к соглашению между Британией и Францией в 1904 г., по которому Франция предоставляла Британии свободу действий в Египте в обмен на свободу действий в Марокко³².

Демонстрация Россией своей военной мощи на подступах к зарубежной Азии в конце XIX в. подтолкнула Великобританию заключить с ней в 1907 г. соглашение, по которому Персия была разделена на британскую и российскую зоны влияния.

Хотя Германия ещё в 1883 г. послала военную миссию для модернизации османской армии, британские политические деятели были гораздо больше озабочены ростом германского влияния в Европе, чем на Ближнем Востоке. Довольно ожесточённое англо-германское соперничество развернулось вокруг строительства Багдадской железной дороги³³. В конце концов, в 1913–1914 Британия достигла договорённости с Германией о строительстве железной дороги в Месопотамии от Багдада до Басры в обмен на предоставление двух мест в совете директоров и признание эксклюзивных прав англо-иранской нефтяной компании на добычу нефти в регионе Персидского залива³⁴.

После урегулирования споров на Ближнем Востоке Великобритания и Франция учредили Антанту, целью которой был контроль влияния Германии в Европе. В 1907 году к этому союзу присоединилась и Россия.

Унизительные поражения, нанесенные Османской империи в 1911 г. Италией и дважды – в 1912 и 1913 гг. – Балканскими государствами, привели к тому, что она потеряла Ливию и почти всю европейскую часть Турции.

В Османской империи эти поражения привели только к еще более жесткой националистической и антиарабской политике и дальнейшему усилению идей пантюркизма в османской армии. Офицеры, многие из которых были арабами, стали враждебно относиться к правительству³⁵. Политическая нестабильность и набирающая силу дезинтеграция в Османской империи делали политику Великобритании XIX века, целью которой было реформирование империи, а не ее раздел, всё менее и менее жизнеспособной.

В 1911 г. лорд Китченер стал британским представителем и генеральным консулом в Египте. Он приказал провести исследование Синай, в котором участвовали Лоуренс и Вулли – сторонники политики поощрения арабского национализма и «отделения арабов от турков»³⁶. С тех пор лорд Китченер и стал прислушиваться к советам тех, кто разделял их взгляды³⁷. «Освобождение угнетённых племён в Османской империи – традиционная миссия британского народа, – писал вскоре после войны майор Дэвид Хогарт, известный востоковед, археолог, профессор Оксфордского университета. – Любое министерство, вовлечённое в военные действия против турков, вскоре провозглашало проарабскую политику и начинало её осуществлять. Китченер был ответственен (до объявления войны туркам) не за принятие такой политики, а лишь за первоначальные шаги для её провозглашения и претворения в жизнь»³⁸.

В месяцы непосредственно перед началом войны среди арабских народов существовали различные движения за независимость. В 1913 и 1914 гг. восстания произошли в Йемене, Киренаике, Месопотамии и Аравии. Однако центральной линией британских военных и политических усилий в 1914 г. стало налаживание сотрудничества с шерифом Мекки Хусейном и его сыновьями в Хиджазе. Именно эта линия в конечном итоге дала Лоуренсу возможность осуществить свои инициативы.

³¹ Zeine N. Z. The Emergence of Arab Nationalism. P.119.

³² Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. С.257–258.

³³ Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. С.54.

³⁴ Там же. С.56.

³⁵ Zeine N. Z. The Emergence of Arab Nationalism. P.114.

³⁶ Monroe E. Britain's Moment in the Middle East, 1914–1956. Baltimore, 1956. P.3.

³⁷ Гурко-Кряжин В. А. Арабский Восток и империализм. С.29.

³⁸ Цит. по: Mack E. J. A Prince of Our Disorder. P.106.

Летом 1908 г. Хусейн ибн Али был назначен на должность шерифа и эмира Мекки османским султаном и турецким великим визирем³⁹. Назначение это произошло после борьбы между «старыми» и «молодыми» турками, последние отдавали своё предпочтение представителю другого клана Мекки⁴⁰. Шерифы Мекки, которые все были из семьи Хашемитов и вели свою родословную от пророка Мохаммеда, правили Меккой и Хиджазом, начиная с X века, добившись значительной политической независимости от Османского центрального правительства. Эти шерифы, каждый из которых носил титул «Покровитель двух Святых городов», должны были защищать Мекку и Медину, а также следить за ежегодными паломничествами. В силу своего особого положения и претензий на происхождение от Пророка, они пользовались большими привилегиями и престижем на территории всей империи.

Долгая связь Хашемитов со старым Османским режимом, несомненно, сыграла важную роль в борьбе между Хусейном и младотурками, которые пытались подчинить его своей власти. Несмотря на мощное давление со стороны младотурок, Хусейн оставался верным султану, не отвечал на призывы арабских посланников возглавить арабское национальное движение. Полтора года он проводил политику уворток, торговался с англичанами, засылая в то же время своих эмиссаров к вождям племён и к сирийским националистам⁴¹. В. Гурко-Кряжин писал о нём: «За исключением колоссального честолюбия, политическая физиономия Хусейна всегда носила крайне расплывчатый характер».

Арабы Хиджаза в особенности бедуины, противились продолжению железнодорожной линии за Мекку и Медину: они опасались дальнейшего сокращения своих доходов от сборов во время ежегодных паломничеств. Попытка османского режима продолжить строительство железной дороги с помощью военной силы встретила сопротивление местных бедуинов и Вахиб, местный вали (представитель Османской империи) в Мекке, посоветовал свергнуть Хусейна⁴².

Второй сын Хусейна, Абдаллах, в ходе переговоров с турецким правительством достиг соглашения, по которому в обмен на разрешение строительства железной дороги шериф получал треть всех доходов от ее эксплуатации, а эмират отдавался Хусейну пожизненно, а после его смерти передавался по наследству внутри его семьи. Но эти соглашения не смогли унять беспокойства Хашемитов, и Хусейн искал помощи у Великобритании. В феврале 1914 г. Абдаллах отправился в Каир, чтобы встретиться с лордом Китченером и через него заручился поддержкой Британии в борьбе, которую его семья вела против османского правительства⁴³. Но Китченер не предоставил ему абсолютных гарантий, так как Британия не находилась в состоянии войны с Османской империей. По тем же основаниям Рональд Сторрс, направленный Китченером в апреле 1914 г. для встречи с Абдаллахом, отказался предоставить «хотя бы полдюжины пулеметов»⁴⁴. Но, несмотря на отсутствие ясных гарантий, Абдаллах поверил, что Британия поддержит Хусейна в борьбе против турков.

24 сентября 1914 года Китченер, тогда уже военный министр, написал известное письмо в Каир, в котором просил Сторрса послать «секретного и надёжного посланника» к Абдаллаху, чтобы выяснить будет ли «он с его отцом и арабы Хиджаза с нами или против нас» в случае германо-турецкой агрессии против Великобритании⁴⁵. Хусейн беседовал с посланником очень любезно и, по словам последнего, заявил, что «его сердце открыто для Сторрса» и он готов бороться против угнетателей⁴⁶. Однако, от прямого ответа на вопрос, поставленный в письме, Хусейн уклонился. Он предпочитал выждать некоторое время, чтобы успеть подготовиться к восстанию и получить реальные гарантии и помощь от англичан⁴⁷.

Китченер, узнав о невразумительном, но, тем не менее, положительном ответе Хусейна, телеграфировал Абдаллаху 30 октября о том, что Британия теперь уже находится в состоянии войны с Турцией, и что «если арабский народ будет содействовать Англии в этой войне, то Англия гарантирует, что в Аравию не будет никакой интервенции, и что ей будет предоставлена всяческая помощь в случае агрессии извне»⁴⁸.

³⁹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т.2. С.210.

⁴⁰ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.106.

⁴¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т.2. С.211.

⁴² Kirk G. A Short History of the Middle East. P.87.

⁴³ Лазарев А. М. Крушение турецкого господства... С.98.

⁴⁴ Storrs R. Orientations. L., 1937. P.143.

⁴⁵ Лазарев А. М. Крушение турецкого господства... С.99.

⁴⁶ Storrs R. Orientations. P.175–176.

⁴⁷ Лазарев М. С. Крушение турецкого господства... С.99.

⁴⁸ Storrs R. Orientations. P.173.

Таким образом, усиливающийся союз между Великобританией и Хашемитским шерифом Мекки вытекал из политических и военных нужд каждой из сторон: Британия искала союзника в Аравии против Турции, а в дальнейшем рассчитывала укрепиться в этом регионе, в то время как Хусейн и его сыновья хотели заручиться поддержкой Британии в их внутренней борьбе против османского режима, покушавшегося на традиционную власть и автономию шерифа Мекки.

Вступление Турции в войну против союзных государств поставило шерифа в сложное положение. В то время как Абдаллах поддерживал идею восстания, рассчитывая на помощь Великобритании, режим младотурок в Стамбуле заставлял его проявлять лояльность и предлагал присоединиться к Турции в Священной войне мусульман против неверных (т.е. Антанты), которая фактически была объявлена в середине ноября. Хусейн считал, что Священная война была по религиозным причинам несовместима с агрессивной войной и абсурдна с христианским союзником – Германией⁴⁹. Несмотря на отказ объявить джихад, Хусейн всё же вынужден был пойти на временные уступки, ибо он боялся в это время идти на открытый разрыв с турками, т. к. не был ещё подготовлен. Только после года переговоров и борьбы с османским правительством и конкурирующими арабскими племенами он готов был начать восстание; но к этому времени репрессивные меры Джемаль паши сделали невозможным эффективное восстание арабов в Сирии.

Послания Китченера шерифу Хусейну в последние месяцы 1914 г. поощряли арабское восстание против османской власти и давали понять, что Британия окажет ему содействие и что арабам впоследствии будет предоставлена независимость⁵⁰. Но к весне 1915 г. «арабский вопрос» отошел на второй план в политике Великобритании. Британскую политику стали определять первостепенная значимость исхода войны в Европе и установление отношений сотрудничества с двумя главными союзниками Британии – Францией и Россией. Дипломатические переговоры первой половины 1915 г. характеризовались медленной эволюцией интереса в разделе Османской империи между великими державами в случае её поражения⁵¹. Очевидно, что эта политика была заведомо несовместима с курсом, который осуществлялся параллельно и был направлен на союз с арабскими лидерами в обмен на независимость их территорий после войны.

Английский историк И. Кимхе считает, что подлинные интересы и мотивы, скрывавшиеся за внешне альтруистскими действиями великих держав на Ближнем Востоке, наиболее ярко представлены в двух письмах Лоуренса, написанных весной 1915 года, и французской ноте английскому правительству от 13 ноября того же года⁵².

Лоуренс был известен своей антипатией к французам. Он уверял, что в будущем подлинных неприятностей следует ожидать не от сегодняшних врагов, а от сегодняшних союзников – Французской и Российской империй. Лоуренс полагал, что было необходимо удержать Александретту, считавшуюся «ключом» ко всему Ближнему Востоку, и выдворить французов из Сирии⁵³. В марте в письме к Хогарту он продемонстрировал своё знание политической обстановки в различных племенах Аравийского полуострова и своё желание «собрать их всех вместе и поднять восстание от Сирии до Хиджаза во главе с шерифом и отбить у Франции всякие надежды на Сирию»⁵⁴.

Спустя восемь месяцев после этих писем французский военный атташе в Лондоне вручил английскому правительству весьма резкую ноту. Она отражала французскую позицию в этой игре. Французы требовали от Великобритании согласовывать все планы военных операций в районе Александретты и отстаивали своё преимущественное право на их осуществление в этом районе, который они считали «частью будущего Сирийского государства»⁵⁵.

Кимхе называет Лоуренса «более дальновидным, чем его коллеги»⁵⁶. Но в этом случае не надо было обладать даром предсказателя, чтобы предвидеть угрозу лидерству Великобритании в регионе Ближнего Востока со стороны Франции. Борьба этих двух империй за свои колонии или зоны влияния вовсе не была чем-то новым, и вполне естественно можно было ожидать, что она продолжится и после войны. Но во время войны, когда целью было победить общего противника,

⁴⁹ Lawrence T. E. *Seven Pillars of Wisdom*. P.49.

⁵⁰ Antonius G. *The Arab Awakening*. P.133.

⁵¹ Ллойд Джордж Д. *Правда о мирных договорах*. Т.2. С.214–216.

⁵² Кимхе И. *Семь рухнувших столпов*. Т.1. М., 1952. С.24–25.

⁵³ Там же. С.26.

⁵⁴ *Letters of T. E. Lawrence*. P.76.

⁵⁵ Кимхе И. *Семь рухнувших столпов*. С.27.

⁵⁶ Там же. С.24.

Англия и Франция были связаны союзом и вынуждены были выполнять свои обязательства по отношению друг к другу; и, естественно, ни та, ни другая не решилась бы вступить в открытую конфронтацию со своей союзницей. Лоуренс весной 1915 года был, видимо, ещё не слишком искушён в политике великих держав на Ближнем Востоке, предлагая «выдворить Францию из Сирии», не учитывая при этом её имперский аппетит и отодвигая на второй план более важные на тот момент тактические задачи политики Великобритании.

По соглашению в марте 1915 г. между Великобританией и Россией в случае поражения Османской империи, Константинополь (Стамбул) и проливы должны были перейти к России⁵⁷. В то же время, «лабиринт арабской политики»⁵⁸, как назвал его Зейне, включал в себя множество всяческих гарантий и соглашений союзников с Хусейном и другими арабскими правителями на Аравийском полуострове.

В то время существовали две философии британской политики, представляющие две исторические эпохи, каждая из которых пыталась адаптироваться к быстро меняющейся действительности внутри Османской империи в 1915 – 1916 гг. Лорд Керзон и его последователи, представители старого колониализма XIX века, смотрели на Азию и Африку как на регионы, которыми надо было манипулировать и которые надо было поделить соответственно коммерческим и территориальным интересам европейских империй; они также считали народы Азии и Африки неспособными к самоуправлению.

Старому колониализму противостояло либеральное течение в политике Великобритании, представленное людьми типа Хогарта и Сторрса, к которым со временем присоединился и Лоуренс. Они видели будущее за арабской независимостью и союзом под британским руководством. Именно в центре столкновения этих курсов, философий и политик Лоуренсу пришлось активно действовать в последующие годы.

14 июля 1915 года Хусейн направил ноту Генри Мак-Магону, британскому верховному комиссару в Каире, в которой предлагал «совместные действия» в войне в обмен на признание Британией независимости «всей арабской нации»⁵⁹. После получения этого письма Хусейна в Каире Британия и Хашемиты стали действовать в одном направлении.

Соглашение Сайкс–Пико 1916 г., которое поделило арабские земли среди великих держав, и переписка Мак-Магона и Хусейна отражают абсолютно разные приоритеты в политике, которые в значительной мере были несовместимы.

Письма Мак-Магона были написаны под влиянием «арабофилов» в Каире. Направлены они были, прежде всего, на обеспечение союза с шерифом⁶⁰ и должны были убедить его сбросить турецкое господство и обеспечить паломничество мусульманам – подданным союзных государств. Взамен Англия обещала содействие и гарантии автономии и независимости в будущем⁶¹.

С другой стороны, переговоры Сайкса и Пико, которые проходили фактически одновременно с переговорами между Великобританией, Францией и Россией, представляли типичный колониалистский подход к возможным итогам войны. Их целью был раздел территорий и сфер влияния между великими державами⁶².

Как в переписке, так и в соглашении речь шла о будущей независимости арабских народов. Однако существовали значительные различия в степени независимости и в определении территорий, на которой она распространялась.

Они предусматривали контроль Великобритании над югом Месопотамии и контроль Франции над побережьем Средиземного моря (в составе Сирии и Ливана). Мак-Магон постоянно повторял в своих письмах фразу «интересы нашего союзника Франции», а Хусейн на это отвечал, что «не может быть и речи о том, что мы пойдём на уступки и отдадим во владение Франции или любой другой державе хоть пядь нашей земли»⁶³. Мак-Магон заставил Хусейна поверить, что глубинные районы Сирии будут независимыми, в то время как договор Сайкс–Пико разделил этот большой и важный регион на британскую и французскую зоны влияния. Мак-Магон был довольно уклончив в вопросе о Палестине, возможно, позволяя арабам надеяться, «что Палестина попадёт в состав независимого

⁵⁷ Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии... С.93.

⁵⁸ Zeine N. Z. The Emergence of Arab Nationalism. P.34.

⁵⁹ Переписка шерифа Хусейна с сэром Генри Мак-Магоном, 1915 г. // Документальная история арабо-израильского конфликта. С.18.

⁶⁰ Monroe E. Britain's Moment... P.39.

⁶¹ Wingate R. Wingate of the Sudan. P.181.

⁶² Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т.2. С.214–216.

⁶³ Там же. С.213.

Арабского государства»⁶⁴. Однако, договор Сайкс–Пико определил, что Палестина будет находиться под международным контролем за исключением маленького британского анклава, включающего в себя порты Хайфу и Акко⁶⁵.

Переписка Хусейн – Мак-Магон и соглашение Сайкс – Пико имели большое значение, так как впервые определяли политическое будущее арабских народов, проживавших в пределах огромной территории Османской империи. Они представляли собой два противоположных подхода. Хотя в них были сформулированы основы для решения вопроса о будущем османских земель, ход событий вскоре превратил их в нереальные. Арабские лидеры, естественно, глубоко негодовали после отказа англичан выполнить обещания, содержащиеся в письмах Мак-Магона (Антониус называет договор Сайкс – Пико «шокировавшим документом»)⁶⁶. Одновременно защитники британских действий утверждали, что никаких обязывающих соглашений заключено не было, так как все обещания остались только в письмах. Более того, по их мнению, «все стороны на международном рынке участвовали в торгах» и англичане всё-таки «помогли арабам вытеснить турков из Аравии и Сирии»⁶⁷.

Интересно отметить, что хотя Марк Сайкс, британский представитель на переговорах с Францией и Россией, знал об обмене письмами между Каиром и Меккой, неясно, было ли до 1917 года известно о его переговорах с союзниками Мак-Магону в Каире. Когда Лиддел Гарт поинтересовался у Лоуренса уже после войны, как Мак-Магон узнал о договоре Сайкса и Пико, тот ответил, что только в 1917 году после того, как Сайкс случайно обронил: «Вы разве не слышали о моём договоре?»⁶⁸ Соглашение Сайкс – Пико было достигнуто также без ведома шерифа или любого другого арабского лидера, которые не знали о его содержании до мая 1917 года.

Когда было подписано соглашение в мае 1916 г. даже сам шериф ещё не принял решение о восстании. По мнению Хогарта, ещё в апреле 1916 г. «было неясно, будут ли арабы принимать участие в собственном освобождении»⁶⁹. Однако, очевидно, что соблазнительные предложения, сделанные Китченером и Мак-Магоном в ходе переговоров с Хусейном и его семьёй, сыграли большую роль в усилении надежд и амбиций Хашемитов на их политическую гегемонию в Аравии и Сирии. Гурко-Кряжин писал о шерифе Мекки: «За исключением колоссального честолюбия, политическая физиономия Хусейна всегда носила крайне расплывчатый характер»⁷⁰.

Хусейн продолжал играть за несколькими столами: кроме переписки с Мак-Магоном он одновременно пытался вести переговоры с османским правительством, предлагая свой нейтралитет или даже поддержку в обмен на независимость⁷¹. Скорее всего Хусейн это делал с целью усыпить бдительность турецких властей, создавая вид, что турецко-хиджазские разногласия могут быть улажены мирным путём.

В конце 1915 года положение на ближневосточных фронтах – осада Адена, неудачи в Месопотамии и в Дарданеллах – складывалось неблагоприятно для Англии⁷². Это делало сотрудничество и помощь арабов весьма ценными, и английское правительство решило пойти навстречу некоторым требованиям Хашемитов. Англичане обязались предоставлять оружие и снаряжение, а также выплачивать ежемесячную субсидию⁷³.

Действия турок рассеяли последние колебания Хашемитов. Порта отказалась признать Хусейна независимым наследственным правителем Хиджаза, и отклонила его просьбу об амнистии арабских националистов. В этих условиях Хусейн поборол последние колебания и призвал арабов к антитурецкому восстанию. Он перенёс обсуждение спорных вопросов с англичанами на конец войны⁷⁴.

Опираясь на неясные обещания англичан о будущем арабских народов, Хусейн провозгласил себя «маликом» (королём), притом не только Хиджаза, но и всей Аравии и выступил против турков. В. А.

⁶⁴ Antonius G. The Arab Awakening. P.176.

⁶⁵ Mack J.E. A Prince of Our Disorder. P.127.

⁶⁶ Antonius G. The Arab Awakening. P.172.

⁶⁷ Kirk G. A short History... P.316.

⁶⁸ Цит. по: Mack. A Prince of Our Disorder. P.124.

⁶⁹ Ibid. P.125.

⁷⁰ Гурко-Кряжин В. А. Арабский Восток и империализм. С.29.

⁷¹ Там же.

⁷² Луцкий В. Г. Новая история арабских стран. С.334.

⁷³ Там же. С.337.

⁷⁴ Там же.

Гурко-Кряжин отмечает, что восстание было во многом облегчено тем, что «население Хиджаза, отрезанное от моря, вынуждено было принять сторону англичан, чтобы избавиться от блокады»⁷⁵.

Хотя арабский национализм играл относительно незначительную роль в разжигании восстания, его успех дал мощный толчок стремлениям националистически настроенных арабов. Как отметил Зейне, предложение о восстании, которое Англия согласилась поддерживать, предназначалось для шерифа Хусейна и подразумевало участие в нём лишь тех арабов, которые заселяли область Хиджаза. никоим образом Великобритания не рассматривала и не планировала оказание помощи «людьми и оружием Великому арабскому восстанию, которое простиралось бы от одного конца азиатских владений Османской империи до другого»⁷⁶.

Таким образом, союз между Великобританией и хашемитским шерифом Мекки вытекал из политических и военных нужд каждой из сторон. Хусейн и его сыновья хотели заручиться поддержкой англичан в их внутренней борьбе против османского режима, покушавшегося на традиционную власть и автономию шерифа Мекки. Британия же искала союзника в Аравии против Турции, чтобы сохранить равновесие (турки – на стороне немцев, арабы – на стороне англичан) и чтобы получить возможность воевать руками арабов, организовав разрозненные арабские силы в регулярную армию; в дальнейшем Великобритания, по-видимому, рассчитывала получить первый голос в решении вопроса о разделе добычи среди союзных держав.

Примерно через два года после завершения войны Хогарт писал о восстании: «Оно бы не началось, если бы, во-первых, не приглашение Китченера и, во-вторых, если бы не заверения в британской помощи; оно бы не продержалось без денег, продовольствия и снаряжения, обеспечиваемых Англией; оно бы никогда не смогло распространиться за пределы Хиджаза, если бы не дальновидность и весьма дерзкое поведение Лоуренса, оно достигло Дамаска, лишь будучи стремительно летящим правым крылом последней кампании генерала Алленби»⁷⁷.

Англии в тот момент для выполнения её целей были просто необходимы люди, которые обладали бы таким военным чутьём и необычайной смелостью, дальновидностью и энергией, как Лоуренс.

Первая мировая война застала Лоуренса в Оксфорде. В атмосфере всеобщего возбуждения, охватившего англичан, он тоже пытался присоединиться к армии, однако тогда призывные пункты были переполнены и брали только мужчин ростом не ниже шести футов⁷⁸. Тем не менее, ему сравнительно легко удалось присоединиться к армии, так как полковник К. Хэдли, глава географического отдела Генерального штаба, помнил его прежнюю работу: «Я вспоминаю, как я обрадовался и удивился, когда увидел Лоуренса, так как я всё знал о нём и не нуждался в дополнительных рекомендациях»⁷⁹.

Вскоре Британия стала втягиваться в ближневосточные дела с Турцией и Германией, и Лоуренс был переведён в формирующийся отдел разведки в Каире. Основанием для этого послужила его работа в Лондоне и пять лет путешествий, исследовательской деятельности и работы археологом в Сирии, Палестине и Анатолии. Он отлично знал регион Ближнего Востока и поэтому был, по словам Хэдли, «идеальным офицером для такой работы»⁸⁰.

В течение двух лет, которые он провёл в разведке в Каире, Лоуренс выполнял различные обязанности. Кроме того, он обзавёлся важными военными и политическими знакомствами, по крайней мере, для регионального уровня. Естественно, Лоуренс продолжал составлять карты региона, но сочетал эту работу с обработкой информации об османской армии, получаемой от различных шпионов и пленных. Будучи человеком, владеющим знанием местности, он стал естественным каналом, через который первичная информация поступала к его непосредственным начальникам. Он постепенно зарабатывал авторитет не только у людей, которым непосредственно подчинялся, но и у арабов. Один из них, сирийский националист, оставил свои впечатления о встрече с Лоуренсом в Каире в начале марта 1916 года: «Мне кажется, что этот человек отличается от прочих англичан... Он прислушивается к политическим организациям арабов, а его вопросы показывают его глубокую осведомлённость в предмете. Таким знанием может обладать только тот, кто находит в этом удовольствие и страсть». По его оценке, Лоуренс был «в самом центре активности» британских

⁷⁵ Гурко-Кряжин В. А. Арабский Восток и империализм. С.31.

⁷⁶ Zeine N. Zeine. The Emergence of Arab Nationalism. P.4.

⁷⁷ Цит. по: Mack E. J. A Prince of Our Disorder. P.411.

⁷⁸ Лиддел Гарт Б.. Полковник Лоуренс. С.28.

⁷⁹ Цит. по: Liddell Hart. T. E. Lawrence to His Biographer, Liddell Hart. L., 1938. P.196.

⁸⁰ Ibid. P.193.

офицеров разведки в Каире⁸¹. Вероятно, это было следствием амбиций Лоуренса – амбиций, которые выходили далеко за рамки его статуса как младшего офицера.

Вскоре после приезда ему прискучило составлять географические карты, отчёты и расспрашивать агентов. Гораздо больше его привлекала ближневосточная политика, особенно сирийская. Он стал искать более активной роли в войне. Лоуренс уставал от бездействия. В начале 1916 года он писал: «Мы ничего не делаем, только сидим и выдумываем до изнеможения схемы арабской политики. Я лысею и седею... Видимо, я умру в Каире»⁸², – таким было тогда настроение Лоуренса, весьма нехарактерное для человека в его возрасте⁸³.

Лоуренс был не единственным в Каире, кто хотел помочь Великобритании и для этого полагал нужным опереться на движение арабов за независимость в различных частях Османской империи. Сторонники этих идей в первую очередь возлагали свои надежды на Месопотамию, где действовали наиболее могущественные среди арабских племён лидеры. Однако, Великобритания осуществляла свою политику в Месопотамии через правительство колониальной Индии, враждебно относившееся к стремлению населения Месопотамии к независимости. Первые успехи англичан здесь (в сентябре 1915 года они разгромили турецкие войска в битве при Кут аль-Амаре), только укрепили такое мнение индийского правительства. Донесение из отдела разведки Генштаба в Куте в министерство иностранных дел Индии характеризует британское отношение к арабам и их стремлению к независимости в Месопотамии: «Представляется, что создание автономного государства в Ираке (Месопотамия) невозможно и ненужно. Здесь в Ираке нет ни единого признака того, что люди стремятся к нему; они вполне готовы принять наше правление. С течением времени могут возникнуть другие идеи, как это произошло в Индии, однако мы придерживаемся мнения, что нецелесообразно и не нужно отдавать страну в руки отсталого народа. Нам кажется, что это было бы оторванным от действительности и незрелым проявлением идеи о создании арабского государства – идеи, которая не только породит здесь бесчисленные трудности для Великобритании, но и подвигнет определённое количество амбициозных людей на деятельность, от которой было бы крайне желательно их отвлечь. Кроме того, насколько мы знаем, ещё нет такого человека, который мог бы взять на себя высокую должность правителя независимого арабского государства»⁸⁴.

В марте 1916 года Лоуренс был отправлен Генри Мак-Магоном, верховным комиссаром в Египте, с миссией к турецкому командованию, чтобы выкупить страдающих от болезней заложников в осаждённом турками Куте и чтобы вступить в контакт с «арабскими элементами в турецкой армии с намерением привлечь их на сторону арабского движения»⁸⁵. Обе цели миссии остались не выполненными. Османское командование не согласилось на выкуп, а попытки завязать контакт с арабами окончились неудачей, поскольку британские власти в Месопотамии не подготовили для этого почву.

Вскоре, в апреле 1916 года турки отвоевали Кут, и Лоуренс выступил с резкой критикой этой кампании, назвав её «британским позором в самой крайней степени»⁸⁶. Из этой кампании в Месопотамии Лоуренс сделал вывод о бесплодности, и даже опасности политики великих держав, которая пренебрегала местным населением, его стремлениями и настроениями. Лоуренс был слишком поздно послан в регион из Египта с полномочиями «обещать всё, что мы сможем сделать для арабской независимости»⁸⁷. В этом своём выводе Лоуренс сумел через некоторое время убедить и своих начальников, которые предоставили ему карт-бланш в работе с арабскими лидерами и населением во время арабского восстания⁸⁸. Оно началось в мае, буквально через несколько недель после возвращения Лоуренса из Месопотамии в Каир. Он очень радовался известию о нём: «Это так замечательно – участвовать в рождении новой нации, кроме того, я настолько ненавижу турков, что мне очень приятно видеть, как их подданные обращаются на них с оружием. Я надеюсь, что движение возрастет...»⁸⁹.

Воодушевление Лоуренса и его уверенность в успехе арабского дела были настолько высоки, что летом 1916 года он не нашёл ничего лучшего для себя, как создавать новые марки Хиджаза для

⁸¹ Цит. по: Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.136.

⁸² Ibidem.

⁸³ Т. Э. Лоуренс родился в 1888 г.

⁸⁴ Цит. по: Storrs R. Orientations. P.172.

⁸⁵ Graves R. Lawrence to His Biographer, Robert Graves. P.82.

⁸⁶ Ibid. P.8.

⁸⁷ Storrs R. Orientations. P.165.

⁸⁸ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.139–140.

⁸⁹ Home Letters... P.327.

шерифа Хусейна взамен турецких. «Я собираюсь нанести с обратной стороны клей с ароматизатором, чтобы их можно было лизать с удовольствием»⁹⁰. Позднее Лоуренс рассказывал, что арабы настолько полюбили клубничный вкус красных марок и ананасовый – зелёных, что слизывали весь клей, и марки было невозможно использовать⁹¹.

Тем временем осложнились его отношения с новым начальником в Каире, который не считал нужным поддерживать арабское восстание, и Лоуренс вскоре перешёл на службу в Арабское Бюро. Оно было основано в феврале 1916 года и состояло из маленькой группы специалистов по арабским делам, наиболее известными из них были Хогарт и Клэйтон. Они имели дело в основном с движением во главе с шерифом; с самого начала Арабское Бюро действовало как отдел разведки и штаб арабской кампании⁹². В отличие от него разведывательный отдел в Каире, подчинявшийся военному министерству, был занят больше проведением обычных военных операций в Синае и Палестине. С переходом Лоуренса из этого отдела в Арабское Бюро начался новый этап в его жизни, который принёс ему известность и славу.

Письма Лоуренса демонстрируют его нетерпение, разочарование в тогдашней политике и решениях. В одном из писем к другу он называет себя «ничтожной крупинкой веры, которая пытается сдвинуть горы»⁹³. Его профессиональные качества были широко признаны в среде его сослуживцев – их письма и воспоминания переполнены самыми высокими оценками⁹⁴. В то же самое время, Лоуренс не имел возможности применять эти свои качества, чтобы повлиять существенным образом на британскую политику, так как он всё ещё оставался лейтенантом. Однако, одно дело Лоуренсу всё же удалось. Хогарт позже назвал его «движителем переговоров, которые привели к арабскому восстанию и организации Арабского Бюро»⁹⁵.

Восстание шерифа Мекки Хусейна ибн Али и его сыновей против Османской власти в июне 1916 г. предоставило Лоуренсу уникальную возможность проявить свои многочисленные таланты. Самым важным из них было то, что он сумел превратить стихийное стремление разрозненных арабских племен Хиджаза и некоторых частей Сирии к свободе от турецкого господства в эффективную военную операцию. Участие Лоуренса в восстании арабов происходило на фоне британской ближневосточной политики. Его целью было поднять арабов на восстание и руководить им, но, одновременно, как британский офицер он должен был служить своей стране и воплощать её политику. И это с самого начала порождало противоречия.

В предисловии к «Семи столпам мудрости» Лоуренс писал: «Я хотел создать новую нацию, восстановить утраченное влияние, дать 20 миллионам семитов фундамент, на котором они могли бы воздвигнуть замок их грёз – замок их национальной идеи»⁹⁶. Такие высокие цели, недостижимость которых Лоуренс признал впоследствии, не только шли вразрез с реальной политикой западных государств, но также и не учитывали того, что Дж. Кирк называл «фатальной склонностью арабов к политическому сепаратизму»⁹⁷. Цели Лоуренса с самого начала были нереальны. Однако он преследовал их со свойственным ему энтузиазмом и самоотдачей.

В начале восстание развивалось неуверенно. За взятием Мекки последовала неудача в Медине. В конце августа Фейсал жаловался на отсутствие военной помощи со стороны Великобритании, которая всё ещё публично не поддержала арабов. Британские военные советники сами признавали, что помощь необходима, так как силы шерифа находились в крайне тяжёлом положении⁹⁸. Однако военное министерство в Лондоне находилось под влиянием министерства по делам Индии, которое противостояло арабскому движению и, соответственно, его поддержке⁹⁹. Всё это усугублялось отсутствием надёжной военной информации и связи у арабов, интригами французов и нежеланием некоторых племён участвовать в восстании до тех пор, пока не станет ясно, кто его выиграет. Именно на фоне этих событий Лоуренс покинул Каир и отправился в Джидду.

Лоуренс сумел убедить отказаться от плана, которому благоволили полковник Бремон, глава французской миссии в Хиджазе и ряд других деятелей, и который состоял в том, что в военных

⁹⁰ Ibid. P.328.

⁹¹ Mack J.E. A Prince of Our Disorder. P.142.

⁹² Westrate B. The Arab Bureau: British Policy in the Middle East. Pennsylvania, 1992. P.16.

⁹³ Letters of T. E. Lawrence. P.115.

⁹⁴ Mack J.E. A Prince of Our Disorder. P.133–134.

⁹⁵ Hogarth D. G. Lawrence T. E. // Encyclopedia Britannica / 14th ed. L., 1929. Vol.13. P.798.

⁹⁶ Lawrence T. E.. Seven Pillars of Wisdom. P.15.

⁹⁷ Kirk G. A Short History of the Middle East. P.34.

⁹⁸ Vatikiotis P. J. Conflict in the Middle East. P.46.

⁹⁹ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.141.

действиях должно было принять большое количество британских, французских, египетских или индийских войск. Бедуины бы не потерпели прямого вмешательства такого рода и, «несомненно, вернулись бы в свои шатры, едва услышав о прибытии вооружённых иностранцев»¹⁰⁰.

Стратегия, которой придерживался Лоуренс и другие офицеры, как нельзя лучше соответствовала относительно слабому положению союзных войск на ближневосточном фронте в то время. Она состояла в том, чтобы действовать через арабские силы в Хиджазе, используя при этом небольшое число британских офицеров, таких как Ньюкомб, Гарланд, Джойс, Хорнби и Давенпорт, в качестве советников. Помимо всего прочего, такая стратегия снижала до минимума британские потери, что было немаловажно для Лоуренса. Он стал основным посредником между командующим британскими и французскими войсками и силами Фейсала в Аравии, а также до некоторой степени и среди арабских племён. В донесении в Каир в декабре он написал: «В первую очередь я считаю себя офицером разведки или связным с Фейсалом»¹⁰¹. Однако он был, или вскоре стал, как он начнёт понимать, гораздо большим, чем просто связным. Вследствие своего мощного влияния на Фейсала (а также его братьев и отца) и вследствие того, что Фейсал зависел от него в вопросах поставок оружия, предоставления денег, технологической помощи и советов, Лоуренс оказывал сильное воздействие на англо-арабские взаимоотношения в те годы.

Во время своего десятидневного пребывания в лагере Абдаллаха в марте, вызванного болезнью, Лоуренс предложил вместо прямой атаки на железнодорожный узел Медины иную стратегию. Она была изложена в его эссе «Эволюция восстания», написанном после войны. Заклучалась она в использовании мобильных арабских сил, знакомых с пустыней, для того, чтобы разорвать коммуникации более статичных турецких войск. Лоуренс сумел превратить силу турок в их слабость, а слабость арабов – в их силу. Преимуществами арабов были их исключительное знание пустыни, умение управлять верблюдами, их выносливость и самостоятельность снабжения каждого¹⁰². Всё это обеспечивало быстроту и большой радиус действия. Железная дорога Хиджаза, основное средство сообщения и поставок, хоть и продолжала работать, но «с максимальным ущербом и дискомфортом для неприятеля»¹⁰³.

В своих работах («Семь столпов мудрости», «Эволюция восстания») Лоуренс ясно изложил принцип, что в партизанской войне успеха можно добиться с помощью небольших по численности мобильных партизанских отрядов при условии, что остальное население пассивно. Нужно лишь, чтобы оно поддерживало их. Различные племена в Хиджазе, Трансиордании и Сирии должны были сформировать своеобразную лестницу до Дамаска. В реальности так и вышло. Сообщение турков было прервано после разрушения железной дороги в стратегических пунктах; арабские войска под предводительством Лоуренса и других офицеров начали эффективно действовать как партизанские отряды. В январе 1917 года британскими военно-морскими силами в сотрудничестве с арабами был захвачен важный портовый город Эль-Ваджх. Эти успехи заставили присоединиться к армии Фейсала даже те племена Хиджаза, которые до этого колебались в своей лояльности делу шерифа. По словам Лоуренса, арабские войска испытывали «постоянный приток новичков»¹⁰⁴.

За неделю до захвата Эль-Ваджха Лоуренс написал Ньюкомбу письмо, которое обнаруживает его радость от ранних успехов восстания и его мальчишеский задор в то время. Кроме того, оно содержит ясное изложение его точки зрения, что наилучший способ действия для британцев – через арабов, оставив им ответственность за их судьбу. «В конечном счёте, это война арабов, мы всего лишь дополнительный материал, а арбы имеют право действовать, как им нравится. Мы всего лишь гости»¹⁰⁵. Ещё через две недели Лоуренс написал своей семье: «Моя работа достаточно ответственна, и иногда трудно выбрать, каким образом действовать. Я думаю, что я немного повзрослею после всего этого. Однако весьма замечательно работать вне помещения и в достаточно странной позиции, которую я здесь имею – я полагаю, что ни один англичанин до меня не оказывался в таком положении»¹⁰⁶.

Лоуренс называл себя «разумным оптимистом». Он надеялся, что турецкий флаг исчезнет из Аравии. «Только спрашивать, что такое Аравия – неприлично. У региона есть восточная и западная, и

¹⁰⁰ Lawrence T. E. Seven Pillars... P.111.

¹⁰¹ Lawrence T. E. Seven Pillars... P.54.

¹⁰² Лиддел Гарт Б. Полковник Лоуренс. С.131–132.

¹⁰³ Lawrence T. E. Seven Pillars... P.147.

¹⁰⁴ Ibid. P.160.

¹⁰⁵ Letters of T. E. Lawrence. P.183.

¹⁰⁶ Home Letters... P.334.

южная границы – однако, где она проходит на севере, известно лишь богу. Мне хочется, чтобы это определили сами арабы!»¹⁰⁷ Таким образом, Лоуренс оставлял открытым вопрос о северной границе Аравии, предоставляя его разрешение самим арабам.

Война в Хиджазе завершилась после захвата Акабы, почти без потерь. Фейсал мог переместить свою базу из Эль-Ваджха, Синай был безопасен, а англичане получили жизненно важный порт, чтобы поставлять вооружение своим армиям в Палестине для проведения операций на севере. «После захвата Акабы, – спустя десять лет написал Лоуренс, – положение вещей настолько изменилось, что я перестал быть свидетелем восстания и превратился в его главного героя»¹⁰⁸.

Ллойд Джордж в своём письме Уингейту высоко оценил успехи Лоуренса: «Он сделал великолепную работу и однажды сможет написать уникальную книгу. Обычно люди, способные к похождениям такого рода, не имеют ни остроумия, ни навыков, чтобы описать их. К счастью, Лоуренс одарён обоими достоинствами»¹⁰⁹.

Из Акабы Лоуренс вернулся в Каир, где с удовлетворением узнал, что Алленби сменил Арчиальда Мюррея в должности главнокомандующего войск союзников в Египте. Между Лоуренсом и новым главнокомандующим росло взаимное уважение и доверие, и первый сумел убедить второго, что арабы Фейсала, которые располагались в тот момент в Акабе, могли стать ценным дополнением на восточном фланге армии Алленби под его (Лоуренса) руководством. В августе армия Фейсала и Лоуренс вместе с ней в качестве основного советника была переведена из подчинения Уингейта в египетские экспедиционные силы под командование Алленби. Для Лоуренса это означало, что его работа становилась более определенной. Алленби так описал его полномочия: «Познакомив его с моим стратегическим планом, я предоставил ему свободу действий»¹¹⁰. Это сыграло свою роль позднее, когда театр военных действий начал перемещаться к северу, где сталкивались политические интересы великих держав. Лоуренс использовал предоставленную ему свободу действий, чтобы поощрять мечты Фейсала о создании арабской империи в Сирии; так они приобретали политическое значение.

В следующие три месяца Лоуренс сохранял бешеную активность. Он постоянно перемещался между Каиром и Акабой, решал бесчисленные организационные проблемы, поднимал дух Фейсала, сам участвовал в различных налетах и рейдах на турецкие базы¹¹¹. Британское правительство отмечало его успехи. Хогарт писал о нём своей жене в октябре 1917 г.: «Передай его матери, что у него сейчас пять знаков отличия, кроме того, он не носит множество других. Говорит, что не возражает в принципе против награждения, если только его не заставляют носить их... Его репутация стала подавляющей»¹¹².

Однако у Лоуренса случались и неудачи. Так, группе арабов с его участием не удалось взорвать жизненно важный мост через реку Ярмук, однако война шла к своему логическому концу. В декабре генерал Алленби захватил Иерусалим. Лоуренс въехал в город в составе группы официальных лиц, хотя, по его словам, не заслужил этого, так как «ничего не сделал для успеха»¹¹³. В другом своём письме из Иерусалима к другу Лоуренс озабоченно отмечал, что слишком увяз в восточной политике, что ему бы следовало оставаться свободным. Он пророчески написал: «До сих пор у меня не было прозвища, но я боюсь, что они собираются называть меня Лоуренсом Аравийским. Сразу же после войны я собираюсь на строительство железной дороги в Южной Америке или на золотые рудники Южной Африки, чтобы избавиться от такой судьбы. Кархемиш [город, где Лоуренс участвовал в раскопках] будет либо враждебен (турки никогда больше не позволят мне въехать), либо дружелюбен (арабы); после того как я оказался творцом королей, мне уже больше не позволят тихо копать в земле»¹¹⁴.

События на фронте развивались своим чередом. Декабрь прошёл в налётах на Хиджазскую железную дорогу. В январе 1918 года состоялась битва при Тафиле, важном центре к юго-востоку от Мёртвого моря, в которой союзники использовали регулярные арабские войска. В официальной военной истории она характеризуется как «выдающийся военный подвиг»¹¹⁵. После нее Лоуренс

¹⁰⁷ Ibid. P.334–335.

¹⁰⁸ Graves R. T. E. Lawrence to His Biographer, Robert Graves. P.154.

¹⁰⁹ Цит. по: Mack J.E. Prince of Our Disorder. P.153.

¹¹⁰ Gardner B. Allenby of Arabia, Lawrence's General. N. Y., 1965. P.210.

¹¹¹ Lawrence T. E. Seven Pillars... P.160.

¹¹² Цит. по: Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.156.

¹¹³ Lawrence T. E. Seven Pillars... P.453.

¹¹⁴ Letters of T. E. Lawrence. P.247–248.

¹¹⁵ Military operations in Egypt and Palestine: In 2 volumes. Vol.2. L., 1930. P.404.

получил очередные награды. Весной 1918 г. арабские отряды смогли перерезать Хиджазскую железную дорогу и изолировать турецкий гарнизон в Медине¹¹⁶. В июне Лоуренс начал готовить участие армий Фейсала в решающем натиске Алленби.

К этому времени турки предлагали значительное вознаграждение за голову Лоуренса – 15.000 фунтов стерлингов. Однако ни один араб не предпринял попытки предать его. Шериф Хусейн даже предоставил ему статус одного из своих сыновей¹¹⁷. Одновременно английская пресса получила приказ из министерства цензуры не публиковать никаких фотографий полковника Лоуренса, так как турки не знали его в лицо. «Любая фотография или описание могут угрожать его безопасности»¹¹⁸.

Кульминацией кампаний в Палестине и в пустыне, а также и личного участия Лоуренса в восстании стало взятие Дамаска. Османская армия оставила город; к нему в начале октября 1918 года приблизились военные части западных держав (Великобритании, Австралии и Франции) и войска шерифа Хусейна, а также различные сирийские формирования, для которых Дамаск был духовным центром. Для каждой из этих групп город имел большое значение с политической точки зрения, но для арабов он представлял огромную религиозную значимость как один из исторических центров исламского мира. Для них это была столица пустыни и первая столица халифов за пределами Хиджаза.

Непосредственное военное участие Лоуренса в восстании подходило к концу – он покинул Дамаск 4 октября. Лоуренс уехал именно в тот момент по многим причинам. Его эмоциональные и физические силы были на исходе. Его иллюзии были развенчаны поведением арабов, которое не соответствовало его возвышенным представлениям. Один из соратников Лоуренса вспоминал, что он выглядел «подавленным» накануне входа в Дамаск и объяснял свое состояние тем, что с взятием Дераа «конец стал неизбежен, после этого пропала изюминка и весь интерес»¹¹⁹. Кроме того, Лоуренс, скорее всего, осознал тогда, что с падением Дамаска борьба на Ближнем Востоке вскоре превратится в политическую и будет проходить уже в центрах власти в Египте, Англии и Франции, а не в пустынях и городах Аравии и Сирии; Лоуренс намеревался преследовать свои цели на этой новой арене. Непосредственной же причиной, по которой Лоуренс решил покинуть Дамаск и Ближний Восток вообще, стала возникшая после окончания военных действий необходимость работать с французами. Лоуренс заявил Алленби, что такая перспектива для него неприемлема и он, видимо, должен вернуться в Англию¹²⁰.

Так, после захвата Дамаска, ближневосточная кампания благополучно завершилась. Однако само завершение порождало проблемы: после исчезновения военной опасности стороны – великие державы и их арабские союзники – оказались разделены политическими противоречиями. Именно тогда позиция Лоуренса стала особенно щекотливой. Хотя она была такой уже и во время восстания, несмотря на все его награды и отличия. С одной стороны, по словам одного из офицеров-сослуживцев, Лоуренс был «именно той превосходно закалённой сталью, что поддерживает всю конструкцию нашего влияния в Аравии»¹²¹. С другой стороны, Лоуренс во многих случаях во время восстания действовал без официальных полномочий. Так, он сам назначил коменданта Дамаска после захвата этого города.

По словам Янга, «Лоуренс был, конечно, сам себе голова. Позже я выяснил, что он полагал, будто мы все находимся под его командованием, но я так не считал и продолжал рассматривать его, скорее, как связного между Фейсалом и генералом Алленби, чем как настоящего полковника армии. Он никогда не доверялся мне и не посвящал в свои политические схемы»¹²².

Лоуренс в течение восстания постепенно взял на себя слишком большую ответственность, не имея на то никаких инструкций. Это стало одной из причин его двусмысленного положения после окончания войны, во время процесса политического урегулирования на Ближнем Востоке. Как становится ясно после чтения его книги, Лоуренс считал себя ответственным за ход и руководство восстанием. «Я руководствовался личными обязанностями, а руководитель, подобно архитектору, ответственен за всё»¹²³. «Всё» включало не только стратегию, организацию и координацию восстания, но и жизни и благосостояние лиц, участвующих в нём. Такая сверхвысокая ответственность, которую принял на себя Лоуренс, порождала дилемму, тем более болезненную, что

¹¹⁶ Ibid. P.408.

¹¹⁷ Graves R. Lawrence and the Arabs. L., 1934. P.45.

¹¹⁸ Blumenfeld R. D. All in a Lifetime. L., 1931. P.136.

¹¹⁹ Stirling W. F. Safety Last. L., 1953. P.94.

¹²⁰ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.165.

¹²¹ Storrs R. Orientations. P.153.

¹²² Young H. The Independent Arab. L., 1933. P.243.

¹²³ Lawrence T. E. Seven Pillars ... P.192.

официально он играл роль посредника между Алленби и Фейсалом. Он писал о себе: «Я был советником Фейсала, и Фейсал полагался на искренность и компетентность моих советов настолько, что часто даже не обсуждал их. И всё же я не мог ни объяснить Алленби целиком положение арабов, ни рассказать все детали британских планов Фейсалу»¹²⁴. Всё это определяло щекотливость позиции Лоуренса во время переговоров между великими державами о будущем Ближнего Востока, о судьбе арабов.

Участие в арабском восстании имело ещё одно значение в судьбе Лоуренса. После него возникла легенда о Лоуренсе Аравийском, он приобрёл – так это, предсказанное им самим, прозвище. Весной 1918 года возникла необходимость в популяризации идеи участия в войне среди простых американцев. Один преподаватель из города Принстон поехал в Европу, чтобы собрать необходимый материал. Однако Западный фронт мог предложить мало интересного; гораздо успешнее была его миссия на Ближнем Востоке, именно здесь он сумел найти красочные, экзотические истории, способные привлечь американцев. Результатом стали шоу, на которых показывали фильмы и рассказывали. Они появились в Нью-Йорке в марте 1919 г., имели огромный успех и через полгода появились в Лондоне, причём шли в здании королевского оперного театра в Ковент-Гардене и задержались в репертуаре на шесть месяцев вместо первоначально предполагавшихся двух недель. Одной из центральных фигур в этом шоу, вскоре затмившей все остальные, был Лоуренс. Так родилась легенда о нём¹²⁵.

Через пять лет была опубликована его первая биография. Нельзя сказать, что Лоуренс не принимал никакого участия в создании мифа, более того, он сотрудничал с американцами, когда те приезжали в Аравию. Однако конечный результат не только льстил его самолюбию, но и, одновременно, пугал его. Там слишком многое было неправдой, однако противостоять было бесполезно – Лоуренс Аравийский уже не принадлежал самому себе.

Таким образом, Лоуренс ещё при жизни стал легендой. Он обладал чрезвычайным талантом и, кроме того, отлично знал психологию и менталитет арабов. Он был одновременно авантюристом, фантазёром, но, прежде всего, – горячим английским патриотом. Именно он раскрыл перед Хусейном заманчивую картину создания независимого арабского государства (хотя, разумеется, под дружеской опекой Англии) и даже сумел внушить этот план британскому Форин Оффису. Организованное им восстание арабов против Османской империи внесло важный вклад в победу Антанты в Первой мировой войне на Ближнем Востоке, снизив при этом потери в Британии на восточном фронте до минимума. Лоуренс от имени своего государства пообещал арабам выполнение всех обязательств со стороны Великобритании, которая, в свою очередь, заключила соглашения, содержавшие обязательства, противоположные обещаниям, данным Хусейну. Арабы искренне верили Лоуренсу, а он в то же самое время оставался британским офицером и должен был следовать британскому курсу. Всё это, в конечном итоге, ставило Лоуренса в щекотливое положение уже во время восстания и, особенно, в процессе решения ближневосточного вопроса на Парижской мирной конференции.

В последние недели войны войска шерифа действовали, твёрдо веря, что британское правительство будет придерживаться условий «Заявления к семи сирийцам», выпущенного в июле 1918 г. в ответ на настоятельные просьбы сирийских деятелей в Каире. Согласно этому заявлению, Великобритания, в противоречии с условиями договора Сайкс–Пико, обязалась сохранить независимость всех территорий, освобождённых в ходе борьбы самими арабами¹²⁶.

3 октября 1918 г. Алленби и Фейсал встретились в Дамаске. Лоуренс присутствовал в качестве переводчика. Алленби сообщил Фейсалу, что он признает арабскую военную администрацию на оккупированных территориях к востоку от реки Иордан от Дамаска до Маана, но он останется верховным командующим, пока будут продолжаться военные действия. Алленби также проинформировал Фейсала об условиях договора Сайкс–Пико, согласно которому французы получали протекторат над прибрежными районами Сирии, и власть арабской администрации не распространялась на территории Палестины. Фейсал был шокирован. Он начал бурно возражать, говоря, что советник Алленби [Лоуренс] ничего не сообщал об участии Франции в этом деле; что арабы должны были получить всю Сирию, в том числе и Ливан, за исключением Палестины; что страна без выхода к морю – это неприемлемо для него и что он отказывается принять французского советника и не признает французского руководства в любом виде¹²⁷.

¹²⁴ Ibid. P.386.

¹²⁵ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.274–275.

¹²⁶ Antonius G. The Arab Awakening. P.270–274.

¹²⁷ Stirling W. F. Safety Last. P.83.

После окончания войны Лоуренс приобрёл известность в западном мире. В течение четырёх лет он пытался выполнить то, за что, по его мнению, он нес ответственность после кампаний на Ближнем Востоке. В это время публичной был создан образ «Лоуренса Аравийского», а для него самого пропасть между его внутренним миром и возникающей легендой, которая одновременно привлекала его и отталкивала, начала неустанно увеличиваться. Именно в эти годы Лоуренс значительно расширил круг своих личных связей, познакомившись со многими известными британскими общественными деятелями, писателями и художниками. Археология как профессия осталась для него в прошлом – даже если бы он и захотел вернуться к ней. Теперь он мог въезжать в страны Ближнего Востока только под политическим наблюдением¹²⁸.

В это время деятельность Лоуренса была тесно связана с политическим урегулированием на Ближнем Востоке, проходившим на Парижской конференции. А. Тойнби, бывший на ней делегатом от Великобритании, писал, что Лоуренса и других защитников ближневосточных народов «всё глубже и глубже затягивало болото – до тех пор, пока они не погрязли в нём так же, как и все мы»¹²⁹. В этот период разочарование Лоуренса в ближневосточной политике наложило на душевные раны, оставленные войной, и всё это, в итоге, перевернуло его жизнь.

Подобно тому, как Лоуренс, не имея ни государственного поста, ни приказа, взял на себя командование войной в пустыне, он принял личную ответственность за послевоенные политические переговоры, которые должны были определить будущее арабских территорий, освобождённых от османского владычества в ходе войны. Это было естественным продолжением его роли «крёстного отца», которую он начал играть в 1916 году. Он знал, что арабы верили в отдельного человека, а не в целые институты; а Лоуренс как раз и был тем человеком, который представлял возможности и гарантии Великобритании арабам.

С 1918 по 1922 год в Лондоне, Париже, Оксфорде, Каире и Аммане Лоуренс боролся за осуществление того, за что он считал себя ответственным перед арабскими народами. В 1916 году он брал за основу своей деятельности националистические стремления арабов и британские национальные интересы. Теперь же в основе лежала концепция доминиона: он мечтал превратить арабские земли от Северной Африки до Индийского океана в «первый коричневый доминион»¹³⁰ в составе Британской империи. Он стремился к системе альянсов между арабскими странами Ближнего Востока, которые должны были присоединиться к Британской империи для получения военной защиты и безопасности, но при этом сохраняли бы политическую автономию внутри неё. «Я думаю, у Британской империи – великое будущее, если она будет существовать в форме добровольной ассоциации», – писал он в 1928 году¹³¹.

Чтобы достичь этого, британскому правительству следовало побуждать эти государства возложить на себя ответственность, и англичане должны были сменить роль управляющих на роль советников. «Для нас это не менее почётно, чем управление – напротив, это требует больше ответственности, потому что отдавать приказы – это просто, гораздо сложнее убедить другого последовать совету; именно то, что сложнее – более интересно. Мы должны быть готовы к тому, что они будут действовать не так как мы, и не так хорошо: но будет лучше, если они сделают что-то наполовину, чем если мы сделаем это наилучшим образом за них... Египет, Персия и Месопотамия, если им гарантировать получение статуса доминиона и предоставить внутреннюю автономию, с радостью присоединятся к нам, и в этом случае нам не придётся тратить на них деньги и людские ресурсы, как в Канаде и Австралии. В качестве альтернативы можно продолжать цепляться за них с всё уменьшающейся силой, пока анархия не станет чересчур дорогой для нас, и мы позволим им уйти»¹³².

Уже в своих первых донесениях в 1916 г. Лоуренс делал различия между арабским национализмом, то есть стремлением арабов к самоопределению, и идеей политического единства арабов, то есть идеей формирования единого национального государства или конфедерации в регионе. Он всегда был горячим сторонником первого и, очевидно, никогда не верил в концепцию арабского политического единства. Очевидным препятствием для этого он считал нежелание только что созданных арабских государств отказаться от своего суверенитета в пользу наднационального органа. Он сравнивал перспективы создания единого арабского государства с перспективами

¹²⁸ Liddel Hart B. T. E. Lawrence to His Biographer, Liddel Hart. P.73.

¹²⁹ Toynbee A. Acquaintances. L., 1967. P.192.

¹³⁰ Letters of T. E. Lawrence. P.291.

¹³¹ Ibid. P.577.

¹³² Ibid. P.579.

объединения англоговорящей нации¹³³. Однако все его личные предпочтения ничего не значили в свете той политики, которую на Парижской конференции собиралась проводить Великобритания, то есть политики раздела арабских земель между ней и Францией.

Тем не менее, после своего возвращения в Великобританию Лоуренс пытался защищать арабские интересы, предлагая свой план будущего устройства в регионе. Он говорил о нём на заседании Восточного комитета Военного кабинета ещё до того, как было подписано перемирие с Турцией¹³⁴.

30 октября 1918 года Лоуренс имел аудиенцию у короля Великобритании Георга V, который собирался вручить ему очередные награды за успешную деятельность в Аравии. Однако Лоуренс отказался принять их, в качестве причины приводя своё несогласие с официальной британской политикой. Он сказал, что дал слово Фейсалу, а сейчас британское правительство собиралось игнорировать арабские интересы и действовать в соответствии с соглашением Сайкс–Пико. Он добавлял, что рассматривает возможность борьбы против французов за восстановление Сирии¹³⁵. Этот его жест привлёк значительное внимание к арабскому делу и оказал особенное влияние на Уинстона Черчилля, которому вскоре предстояло занять пост министра по делам колоний¹³⁶. Кроме того, он инспирировал ряд статей в британской прессе, в первую очередь в «Таймс», в которых отстаивал интересы арабов.

Лоуренс с оптимизмом ожидал начала Парижской мирной конференции. В письме своему сослуживцу он писал: «Я отправляюсь в Париж («делать мир», как они говорят). Будущее Сирии целиком зависит от исхода конференции. Наши требования могут быть отвергнуты или удовлетворены. В последнем случае мы получим государство – такое, как и все остальные на Земле. Я не могу сказать тебе ничего определённого до окончания конференции»¹³⁷. К окончанию конференции Лоуренс был глубоко разочарован и лишился всех своих иллюзий.

Парижская мирная конференция оставила глубокий след в международной истории региона. Как написал Дж. Кимхе, «вся история Ближнего Востока на протяжении половины века – между 1919 и 1969 годами – это история разрушения последствий работы Парижской мирной конференции 1919 года»¹³⁸. Несмотря на некоторую поддержку арабского дела со стороны Вудро Вильсона (12-й пункт из его «Четырнадцати пунктов» гласил, что нетурецким национальностям Османской империи следует предоставить возможность автономного развития), на конференции доминировали другие настроения. Даже Ллойд Джордж, который предпринял во время её работы попытку поддержать создание самоуправляемой Сирии, как было обещано арабам во время войны, был склонен к сделкам между великими державами в духе XIX в.¹³⁹

Лоуренс прибыл в Париж в начале января в качестве технического советника британской делегации. В течение следующих трёх месяцев он стал поддерживать Фейсала, который возглавлял арабскую делегацию и, таким образом, представлял дело арабов. Лоуренс часто переводил для него (примечательно, что на конференции он был обычно одет в арабские одежды, что вызывало у многих непонимание и возмущение). Кроме того, он следил за тем, чтобы великие державы соблюдали все дипломатические церемонии в отношении арабских представителей¹⁴⁰.

В течение небольшого периода января 1919 г. Лоуренс вёл дневник. Его записки показывают, что он был весьма оптимистично настроен в то время¹⁴¹. Его надежды были связаны в первую очередь с американцами. Лоуренс и арабы провели несколько встреч с ними, в том числе с участием Вильсона. Основной целью Лоуренса было попытаться убедить американцев принять управление Сирией на себя. Он надеялся, что они будут больше заботиться о её населении, чем французы¹⁴², которые должны были получить страну в соответствии с соглашением Сайкс–Пико. По-прежнему, отношение Лоуренса было «отчётливо антифранцузское»¹⁴³.

¹³³ Лиддел Гарт Б. Полковник Лоуренс. С.133.

¹³⁴ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.256.

¹³⁵ Цит. по: Letters to T. E. Lawrence. P.186.

¹³⁶ Ibid. P.187.

¹³⁷ Letters of T. E. Lawrence. P.272.

¹³⁸ Kimche J. The Second Arab Awakening. N. Y., 1970. P.10.

¹³⁹ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.263.

¹⁴⁰ Churchill W. Great Contemporaries. L., 1937. P.156.

¹⁴¹ Letters of T. E. Lawrence. P.273–274.

¹⁴² Howard H. N. The Partition of Turkey: A Diplomatic History. Norman, 1931. P. 231.

¹⁴³ Miller D. H. My Diary at the Peace Conference. Vol. 1. N. Y., 1924. P.74.

20 марта президент Вильсон предложил послать комиссию в Сирию для того, чтобы выяснить общественное мнение и обстановку, в которой предстоит работать тому, кто получит мандат¹⁴⁴.

Фейсал с воодушевлением воспринял эту идею. Однако французы отказались послать своего представителя. Лоуренс тоже соглашался, что результаты работы комиссии могли привести к еще большим раздорам, и предлагал Фейсалу напрямую вести переговоры с французами. Такая встреча состоялась 13 апреля между Фейсалом и Клемансо. На ней, видимо, была достигнута устная договоренность о французском мандате в Сирии; при этом, население последней избирало собственного правителя и сохраняло некоторую степень автономии. Однако, ни Лоуренс, ни Фейсал не доверяли французам; и, в конце концов, первый посоветовал второму отказаться от соглашения¹⁴⁵. 20 апреля Фейсал вновь предложил вернуться к идее комиссии и покинул Францию. В июне 1919 г. было подписано соглашение в Версале, разделившее колонии между державами-победительницами¹⁴⁶.

Когда Лоуренс в августе 1919 г. вернулся в Англию, положение вещей к лучшему не изменилось. Комиссия, с идеей которой во время конференции носились американцы, всё-таки была создана и получила название комиссии Кинга – Крейна. В июне – июле она работала в Сирии, где знакомилась с ситуацией. Её выводы были однозначны: сирийцы не желали превращения страны в подмандатную территорию Франции и опасались французского колониализма¹⁴⁷. Однако, сами французы не доверяли этой комиссии, а англичане игнорировали её. К концу лета американский интерес к ближневосточным делам сошёл на нет.

Великобритания пыталась ещё некоторое время противостоять французским требованиям о Сирии, однако Ллойд Джордж вынужден был изменить свою позицию по ряду причин. Основной из них была необходимость сохранить британские приобретения на Ближнем Востоке – в Палестине и Месопотамии¹⁴⁸. В августе 1919 года глава министерства иностранных дел Великобритании лорд Бальфур в своём меморандуме чётко написал, что британская зона в Месопотамии, по крайней мере, до Мосула, важнее, чем независимая Сирия или Сирия под английским либо американским мандатом¹⁴⁹. Таким образом, оказались неосуществимы все варианты ближневосточного устройства, которые поддерживал Лоуренс.

Он попытался продолжить борьбу, написав письмо в «Таймс», где сообщал широкому читателю детали переписки Мак-Магона и Хусейна, соглашения Сайкс–Пико, «Заявления к Семи сирийцам» и англо–французской декларации ноября 1918 года. Он сообщал, что все они содержали обязательства создать независимые арабские государства на территории Османской империи «под давлением военной необходимости, чтобы привлечь арабов на нашу сторону»¹⁵⁰. В заключение он писал, что ожидал осуществления обязательств со стороны британского правительства и что сейчас он сожалел о сделанном во время войны, потому что правительство, очевидно, не желало выполнить обещания, которые он от его имени давал перед арабами¹⁵¹. Редакция «Таймс», которая в то время поддерживала правительство, напечатала лишь первую часть письма, более того, сопроводив его статьёй, где отстаивала необходимость англо-французского сотрудничества для урегулирования послевоенных проблем¹⁵².

Тем не менее, опубликованное письмо вызвало негодование в министерстве иностранных дел. Там опасались, что, несмотря на оговорки Лоуренса, что он пишет от своего лица, письмо может оказать негативное влияние на французское правительство и прессу, которые могут воспринять его как мнение британского правительства, высказываемое через своё официальное лицо¹⁵³. Дело в том, что незадолго до этого, лорд Бальфур предлагал Керзону считать Лоуренса техническим советником британской делегации на переговорах по Сирии¹⁵⁴.

Однако всё прошло гладко, и 13 сентября Ллойд Джордж и Клемансо подписали соглашение, которое предусматривало вывод английских войск из Сирии к 1 ноября 1919 года, при условии, что

¹⁴⁴ Howard H. N. The Partition of Turkey: A Diplomatic History. P.233.

¹⁴⁵ Nevakivi J. Britain, France and the Arab Middle East. L., 1969. P.143.

¹⁴⁶ Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании: От Версаля до Локарно. С. 95–96.

¹⁴⁷ The American Section of the International Commission on Mandates in Turkey (King–Crane Commission) // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Vol.12. Paris Peace Conference. P.798–799.

¹⁴⁸ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т.2. С.239–240.

¹⁴⁹ Documents on British Foreign Policy, 1918–1939. Ser.1. Vol.4. P.340–349.

¹⁵⁰ Letters of T. E. Lawrence. P.281–282.

¹⁵¹ Ibid. P.284.

¹⁵² Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.280.

¹⁵³ Ibid. P.504.

¹⁵⁴ Documents on British Foreign Policy, 1918–1939. Ser.1. Vol.4. P.315.

французы войдут в западные (прибрежные) районы Сирии и Ливана, а города Дамаск, Алеппо, Хомс и Хама перейдут к эмиру Фейсалу. Клемансо рассматривал его как французский триумф.

Ллойд Джордж пригласил в Лондон Фейсала, чтобы попытаться убедить его согласиться с французской оккупацией, но последний считал вывод английских войск и ввод французских катастрофой для всего арабского мира¹⁵⁵ и в Лондон не поехал. В это же время один из чиновников министерства иностранных дел заметил в своём письме, что Лоуренс, «если к нему найти подход», мог бы убедить Фейсала сменить своё мнение и принять план. «Проблема заключается в том, что именно Лоуренс убеждает арабов. А он вполне чётко сказал, что считает Францию нашим естественным врагом на Востоке»¹⁵⁶. Тем не менее, министерство иностранных дел Англии было готово использовать его в контактах с Фейсалом, если только «широко известная антипатия полковника Лоуренса к французам не будет влиять на ход дела»¹⁵⁷.

Лоуренс согласился убедить Фейсала принять французское присутствие на побережье Сирии при условии, что Великобритания оставит наблюдателей в центральной Сирии и гарантирует свое обязательство перед арабским правительством в Месопотамии. Он считал, что там возможно восстание в марте 1920 г., если англичане не изменят свою политику. С другой стороны, по его мнению, Месопотамия была очень важна, поскольку если она будет «в сердечных отношениях с нами, мы сможем изменить весь Ближний Восток»¹⁵⁸. Лоуренс видел роль Фейсала как посредника в регионе между французским влиянием на побережье и британскими подмандатными территориями на юге и востоке. Кроме того, он по-прежнему лелеял свою идею, что арабы должны стать первым цветным доминионом Англии, а не последней цветной колонией¹⁵⁹. В целом, он был сторонником сохранения Британской империи, однако империи, к которой бы нации добровольно присоединялись, преследуя взаимную выгоду.

Однако Лоуренс не был привлечен к работе. Как писал он сам своему военному другу: «Я не у дел, по требованию министерства иностранных дел, которое, к моему удовольствию, считает меня основным препятствием к уступкам со стороны арабов»¹⁶⁰. Фейсал своего мнения не изменил и Лоуренс, видимо, даже не встретился с ним во время визита последнего в Англию в сентябре – октябре 1919 г.

Он в это время продолжал писать свои воспоминания об арабском восстании «Семь столпов мудрости», начатые ещё в Париже во время конференции. Лоуренс жил в основном в Оксфорде при колледже Всех Святых, где нашел «благоденственный мир и тихие дни»¹⁶¹. Однако он не мог перестать интересоваться ближневосточной политикой Великобритании и других великих держав и вскоре вновь начал пытаться повлиять на неё.

Пока Лоуренс наслаждался миром и тишиной Оксфорда и писал свою книгу, ситуация в Сирии и на Ближнем Востоке ухудшалась. В марте 1920 г., после бесплодных переговоров с французами, сирийский Конгресс объявил о независимости и сделал Фейсала королем. Но это почти не имело никаких последствий. В конце апреля был подписан Севрский договор, который поделил Сирию на три части: Ливан, Палестину и уменьшенную Сирию. Мандаты на Сирию и Ливан получила Франция, а Палестина досталась Великобритании вместе с Ираком. Так перекроили карту арабской Азии. Французы немедленно ввели в Сирию войска, Фейсал эмигрировал, а Дамаск был оккупирован после ожесточенной битвы с арабами¹⁶².

После всех этих событий, Лоуренс вновь решил обратиться к правительству и написал три статьи, которые появились в течение трёх дней в «Дэйли Экспресс» и «Санди Таймс». В них он резко критиковал Севрский договор и то, каким образом великие державы обошлись с арабами. Он предупреждал, что когда кризис на Ближнем Востоке произойдет вновь, европейские страны не смогут справиться с ним¹⁶³.

Вскоре ситуация на Ближнем Востоке еще больше ухудшилась. В конце июня 1920 г. началось восстание в Ираке. Лоуренс предсказывал его осенью 1919 г. и ошибся только на несколько месяцев. Оно было подавлено, но стоило многих жизней и окончательно разрушило доверие арабов к

¹⁵⁵ Zeine N. Z. The Struggle for Arab Independence. Beirut, 1960. P.112–114.

¹⁵⁶ Documents on British Foreign Policy, 1918–1939. Ser.1. Vol.4. P.370–371.

¹⁵⁷ Zeine N. Z. The Struggle for Arab Independence. P.167.

¹⁵⁸ Letters of T. E. Lawrence. P.292.

¹⁵⁹ Ibid. P.291.

¹⁶⁰ Ibid. P.301.

¹⁶¹ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.285.

¹⁶² Antonius G. The Arab Awakening. P.302–304.

¹⁶³ Weintraub R. Evolution of the Revolt. N. Y., 1956. P.66–69.

Великобритании. После начала восстания Лоуренс вновь опубликовал ряд статей в газете, где нападал на политику его страны в Месопотамии¹⁶⁴. Кроме того, он в своих статьях создавал в глазах английской публики образ Фейсала, рассказывая о его военной помощи Великобритании во время Первой мировой войны и умеренной послевоенной политике. Позднее, уже после того, как Фейсал стал королем Ирака, Лоуренс писал, что общественное мнение страны подготовил именно он¹⁶⁵. Он вновь предлагал даровать Месопотамии статус доминиона, передав правление страной в руки самих арабов, сделать арабский язык государственным и создать арабскую армию из добровольцев¹⁶⁶. Когда Лоуренс узнал о массовой резне арабов англичанами во время восстания, то стал особенно саркастичен: «В действительности мы не имеем права критиковать французов в этой сфере. Они всего лишь скромно следуют нашему примеру, делая в Сирии то, что мы делаем в Месопотамии»¹⁶⁷.

Помимо всего прочего, Лоуренс указывал на экономическую неэффективность ближневосточной политики страны: только в 1920 г. было потрачено 38,5 млн. фунтов стерлингов на подавление восстания в Ираке – в несколько раз больше, чем английское правительство потратило на финансирование всего арабского восстания¹⁶⁸.

Газетная кампания, предпринятая Лоуренсом, произвела некоторый эффект. Он получил благоприятные отклики от видных арабистов и политиков, в том числе Ллойд Джорджа. Она, в конечном счете, повлияла на английское общественное мнение и помогла изменить политику страны в Ираке; его работа в создании положительного имиджа Фейсала помогла последнему, в конце концов, стать правителем Ирака.

По словам самого Лоуренса, кампания «имела некоторый успех и правительство (очень неохотно и, отказывая мне в каждом шаге на этом пути) сейчас делает в Месопотамии абсолютно верную вещь: оно даже создает в Лондоне специальный департамент, чтобы заботиться о тех районах, когда они будут нуждаться в помощи!»¹⁶⁹. Лоуренс имеет в виду план создать Ближневосточный департамент министерства по делам колоний под руководством У. Черчилля, заполнив, таким образом, то, что Лоуренс как-то назвал «пустым пространством между министерством иностранных дел и министерством по делам Индии»¹⁷⁰. Последовали изменения и в политике в Ираке. К концу года там было создано временное арабское правительство и начаты другие реформы¹⁷¹.

Произошли перемены и в жизни самого Лоуренса – он согласился работать политическим советником Черчилля в новом департаменте. Так этот, по выражению его начальника, «дикий осёл пустыни»¹⁷² вернулся на государственную службу. По словам Лоуренса, Черчилль убедил его «аргументами, которым я не мог противостоять»¹⁷³. Его привлекла смелость Черчилля, его готовность отойти от старых схем и искать новые решения¹⁷⁴.

Уже первое крупное мероприятие нового департамента – реформа управления в Ираке – оказалась успешным. Она состояла в двух принципиальных моментах: передача ответственности за поддержание порядка в стране от армии – к королевским воздушным силам и передача руководства страной Фейсалу¹⁷⁵. Несмотря на позднейшие утверждения Лоуренса¹⁷⁶, идея использования воздушных сил и, таким образом, резкого сокращения расходов на поддержание порядка, принадлежала Черчиллю, однако Лоуренс принял активное участие в осуществлении плана.

Гораздо большее – если не решающее – влияние Лоуренс сыграл в возведении Фейсала на престол. Сначала он ратовал за эту идею в своих статьях, опубликованных летом в «Таймс»¹⁷⁷, а потом помог убедить изгнанного из Сирии эмира принять трон Ирака. Формально решение о реформах в Ираке было принято в Каире в марте 1921 года на конференции, собранной Черчиллем, хотя фактически оно уже было одобрено в Лондоне. Это позволило сохранить дружеский тон

¹⁶⁴ Lawrence T. E. Report on Mesopotamia // The Sunday Times. 1920. 20 Aug.

¹⁶⁵ Letters of T. E. Lawrence. P.317.

¹⁶⁶ Ibid. P.308.

¹⁶⁷ Ibid. P.302.

¹⁶⁸ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.298.

¹⁶⁹ Letters of T. E. Lawrence. P.321.

¹⁷⁰ Ibid. P.315.

¹⁷¹ «Ближний Восток», доклад майора сэра Г. У. Янга, помощника министра по делам колоний // Проблемы войны и мира в XX веке. С.108.

¹⁷² Churchill W. Great Contemporaries. L., 1937. P.159.

¹⁷³ Letters of T. E. Lawrence. P.324.

¹⁷⁴ Graves R. Lawrence to his Biographer, Robert Graves. P.113.

¹⁷⁵ «Ближний Восток», доклад майора сэра Г. У. Янга... С.108.

¹⁷⁶ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.508.

¹⁷⁷ Weintraub R. The Evolution of the Revolt. P.91.

заседаний: «Мы – счастливая семья: согласились обо всём важном и смеемся над мелочами»¹⁷⁸, – писал Лоуренс домой.

Одна из этих мелочей состояла в том, что было нужно получить согласие иракцев на воцарение Фейсала. В конечном счёте, это удалось сделать, не в последнюю очередь благодаря авторитету Фейсала в арабском мире и его способностям. После победы на референдуме (93% высказались за передачу власти ему), Фейсал 23 августа 1921 года взойшёл на трон¹⁷⁹. Так возникло государство Ирак, находившееся в альянсе с Великобританией. Фейсал был обязан своим тронным главным образом Лоуренсу и к нему же обратился за советом о деталях договора между его страной и Англией: степень английского контроля, на которую ему следовало согласиться. Свои письма к Лоуренсу он подписывал «твой друг Фейсал»¹⁸⁰.

Лоуренс, кажется, входил во вкус творца правителей. После конференции в Каире он встретился с братом Фейсала эмиром Абдаллахом, который приехал в Трансиорданию с «приказом от своего отца поднять восстание и изгнать французов из Сирии»¹⁸¹. Лоуренс объяснил ему всю бесплодность подобного намерения и привёз его на встречу с Черчиллем в Иерусалим. Последний убедил Абдаллаха принять воцарение Фейсала в Ираке и не противиться ему. Абдаллаху предложили эмират Трансиорданию, который бы играл роль буфера между британской Палестиной и арабским миром¹⁸². Абдаллах попытался поднять вопрос о едином арабском государстве, состоящем из Трансиордании и Палестины, но, в конце концов, согласился с английским вариантом и обещал убедить своего отца, короля Хусейна, принять изменения в арабском мире, произошедшие после войны. С этой же целью в июне к королю был отправлен Лоуренс.

Здесь в полной мере проявилась щекотливость его позиции – он ехал убеждать Хусейна принять политическое устройство в арабском мире, которое противоречило его же обещаниям, сделанным от имени Великобритании во время войны. С британской точки зрения, полный успех на его переговорах означал бы «продажу» давнего союзника, в то время как поддержка Хусейна привела бы, скорее, к войне с Ибн Саудом, который всё ещё получал субсидии от Англии. В итоге Лоуренс, выбрав некий средний путь и не давая на Хусейна, сделал переговоры безуспешными.

В середине октября ухудшилась обстановка в Трансиордании, где Абдаллах был обложен требованиями сирийских и палестинских националистов и жалобами французов. И тем, и другим он «сладко улыбался, показывая согласие», но ничего не делал, заслужив прозвище «Солнечный парень»¹⁸³. Черчилль послал туда Лоуренса, чтобы изучить обстановку на месте и выработать рекомендации. Ещё в июле Лоуренс высказывал идею ликвидации режима Абдаллаха и объединения территории с Палестиной под британским управлением¹⁸⁴. В сентябре он ехал с твёрдым намерением сделать это.

Однако фактически Лоуренс оказался решающим фактором в сохранении режима Абдаллаха. Такова была основная рекомендация Лоуренса, сделанная им Черчиллю¹⁸⁵. Сложно сказать, что изменило его первоначальное намерение, однако, по оценке его преемника в Трансиордании, главного британского представителя в стране, «невозможно сомневаться в том, что за два месяца пребывания Лоуренса в Трансиордании, он спровоцировал сильные перемены в ситуации. Он превратил пессимистический взгляд на будущее в полную противоположность; администрация, которую он поддерживал, работает эффективно»¹⁸⁶.

После возвращения в Лондон, Лоуренс вновь, как и весной, до поездки к королю Хусейну, окупился в рутинную работу в департаменте, которая его нисколько не привлекала. Он разбавлял её работой над «Семью столпами мудрости». Наконец, 1 июля 1922 года Черчилль отпустил Лоуренса из своего департамента. Никогда больше Лоуренс не возвращался в арабские страны, он навсегда оставил арабскую политику и официальные отношения с арабами.

Работа Лоуренса с Черчиллем в новом Ближневосточном департаменте, которая возвела представителей семьи Хашемитов в лидеры новых арабских государств, лучше всего иллюстрирует его политическую и дипломатическую деятельность. Позднее он писал, что «более всего гордится»

¹⁷⁸ Home Letters... P.352–353.

¹⁷⁹ «Ближний Восток», доклад майора сэра Г. У. Янга... С.108.

¹⁸⁰ Mack J. E. A Prince of Our Disorder. P.497.

¹⁸¹ Zeine N. Z. The Struggle for Arab Independence. P.214.

¹⁸² Liddel Hart T. E. Lawrence to His Biographer... P.131.

¹⁸³ Weintraub R. The Evolution of the Revolt. P.126.

¹⁸⁴ Klieman A. Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921. Baltimore, 1970. P.219.

¹⁸⁵ Zeine N. Z. The Struggle for Arab Independence. P.256.

¹⁸⁶ Ibid. P.147.

этим периодом¹⁸⁷. Что стало его характерной чертой на протяжении всей его работы с арабами и англичанами, имеющими дело с арабами, – это то, что он действовал через другого, более старшего человека, у которого была власть. Лоуренс оказывал на него влияние, проводя решения, которые носили его, Лоуренса, отпечаток. Ему действительно удалось кое-что сделать. По крайней мере, по его мнению, создание Ирака и Трансиордании во главе с Хашемитами представляло выполнение британских военных обязательств и клятв перед арабами, так что Англия «вышла из военной восточной авантюры с чистыми руками»¹⁸⁸. Деятельность Лоуренса была подчинена той сложной политической обстановке, которая сложилась по окончании войны и в процессе послевоенного урегулирования. Он по-прежнему стремился к выполнению своих планов в отношении политики Великобритании (его концепция доминионов) и, в итоге, Лоуренс имел полное право сказать: «К 1922 году я сделал свою часть работы на Ближнем Востоке и, в целом, сделал хорошо»¹⁸⁹. В своей речи в палате общин в 1939 году Черчилль назвал Лоуренса «самым верным защитником прав арабов в новое время»¹⁹⁰.

Подводя итоги, можно сказать, что политическая и военная необходимость привела к тому, что Великобритания во время Первой мировой войны начала поощрять националистические стремления арабов и стала оказывать поддержку арабскому восстанию. Немаловажную роль при этом сыграл Лоуренс, который одним из первых увидел возможность использовать движение арабов за независимость от Османской империи на благо Великобритании. В результате это восстание, руководство и организацию которого взял на себя Лоуренс, сыграло чрезвычайно важную роль в победе союзников на восточном фронте, значительно сократив при этом их потенциальные потери. Именно после войны Лоуренс стал живой легендой. Его успех как лидера и в большой мере как вдохновителя арабской кампании против турков – это важный исторический факт.

В процессе мирного урегулирования после войны, Лоуренс яростно, но зачастую практически безрезультатно пытался отстаивать свои взгляды на будущее арабских земель. Он выступал за предоставление им политической независимости. Будучи более дальновидным, чем многие другие политики, он высказывал мнение, что Британскую империю ждёт великое будущее в том случае, если она будет существовать в форме добровольной ассоциации. Он предлагал сделать арабские страны не колониями, а доминионами. Восстание в Ираке в 1920 году, вызванное попытками Великобритании насадить там свою колониальную администрацию, доказало правоту его взглядов. Некоторых своих целей Лоуренс смог достичь, работая в качестве советника по арабским делам в британском министерстве колоний, когда были созданы государства Ирак и Трансиордания во главе с Хашемитами, что в определённой степени представляло выполнение британских военных обязательств перед арабами.

Лоуренс своим рвением и энергией во время войны помог Британии в достижении её политических и военных целей. После он уже не представлялся таким незаменимым и необходимым для курса, выбранного Англией. Он сделал своё дело и стал не нужен.

В 1922 г. Лоуренс поступил в королевские ВВС в качестве рядового под фамилией Шоу. Затем он недолгое время служил в танковом корпусе, но в 1925 году вернулся в авиацию, где, имея звание полковника, прослужил под именем «рядовой Шоу» вплоть до своей отставки в 1935 г. Его гибель в возрасте 46 лет была неожиданной. Он мчался с огромной скоростью на мотоцикле и, потеряв управление, разбился. Не приходя в сознание, он скончался в госпитале от многочисленных ранений и переломов¹⁹¹. В числе немногих, провожавших Лоуренса в последний путь, был У. Черчилль.

¹⁸⁷ Mack J. A. A Prince of Our Disorder. P.297.

¹⁸⁸ Lawrence T. E. Seven Pillars of Wisdom. P.276.

¹⁸⁹ The Letters of T. E. Lawrence. P.529.

¹⁹⁰ Ibid. P.376.

¹⁹¹ Гусарев В. И. Общество Лоуренса Аравийского // Восток. 1993. № 4. С.167.